

Андрей
Валентинов

Нгуар

РОМАН

Ноосфера

Андрей Валентинов

Нуар

«Снежный Ком»

2013

Валентинов А.

Нуар / А. Валентинов — «Снежный Ком», 2013 — (Ноосфера)

Вторая Мировая война держит мир в железном кулаке. Даже в тихой гавани Эль-Джадиры не укрыться от огня, смыкающего кольцо. Родион Гравицкий, в прошлом – белогвардейский штабс-капитан, слишком хорошо помнит Первую Мировую, чтобы ждать милосердия от Второй. Предательство, интриги разведок, безумие снов, любовь, переплавленная в ненависть – и наконец известие, способное превратить войну в настоящий ад. Первая Мировая, Вторая Мировая – в каком мире идут эти войны? И откуда прибыл загадочный корабль, который доставил Гравицкого в Эль-Джадиру? Существует ли возможность вырваться из круговорота теней прошлого, или «Нуар» – это навсегда?

© Валентинов А., 2013

© Снежный Ком, 2013

Содержание

Часть первая	5
Крупный план	5
Дикторский текст	8
Общий план	9
Затемнение	11
Общий план	12
Затемнение	15
Общий план	16
Крупный план	17
Общий план	20
Крупный план	22
Общий план	27
Крупный план	30
Затемнение	35
Общий план	36
Крупный план	39
Общий план	44
Крупный план	47
Часть вторая	51
Общий план	51
Крупный план	54
Общий план	58
Крупный план	60
Общий план	65
Крупный план	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Андрей Валентинов

Нуар

Литературная запись неснятого фильма

– Я читал, что вас убили пять раз в пяти разных местах.

– И каждый раз это была суцкая правда.

Из фильма «Касабланка»

Часть первая

Крупный план

Эль-Джадира

Октябрь 1942 года

– Женщина для тебя – дырка между ebljami, – с вызовом бросила &, надевая мою шляпу. – Хуже ты относишься только... только к мужчинам. Вот!..

Мельком взглянув в зеркало, сдвинула шляпу на левое ухо и, явно оставшись довольной, бухнулась в кресло.

Я шевельнул губами, мысленно повторяя сказанное.

Кивнул.

– Для четырнадцатилетней – неплохо. По крайней мере, свежо.

– Пятнадцатилетней, – &, наморщив нос, резким движением поправила выбившуюся из-под шляпы черную прядь. – Три дня назад у меня, между прочим, был день рождения. Я подарка ждала!..

Не глядя пошарила по столу, нащупала папиросную пачку.

– Авто ты, дядя Рич, мне все равно не подарить, слабо тебе, но какую-нибудь мелочь...

Папироса была уже во рту, но до зажигалки & еще не добралась. Своей пока не обзавелась, а до моей старенькой ИМСО надо тянуться через весь стол.

– А ты цветочки прислал, словно на похороны.

Я снова кивнул, соглашаясь, поглядел на костлявое недоразумение в кресле и в очередной раз пообещал, что больше никогда не приглашу несовершеннолетнюю язву в дом. Как бы ни напрашивалась, как бы ни скулила. «Попьем чаю, попьем чаю!» Хорошо еще, вовремя спрятал коньяк. Как чувствовал!

– Нечего сказать? – &, довольно улыбнувшись, покосилась на зажигалку. – Дядя Рич, а если я закурю?

– Сама знаешь, что будет.

Присев к столу, я достал новую пачку. & утащила «Галуаз», которые я держал для гостей, а в кармане пиджака ждала своего часа испанская «Фортуна». Вовремя спохватившись, отложил подальше – курить при детях я себе не позволял.

– А вот не знаю!

&, внезапно скривившись, сдернула с головы ни в чем не повинный головной убор, провела худой ладошкой по волосам.

– Не знаю, дядя Рич! Такой, какой ты есть... Ты давно должен был сдать меня немцам, еще во Франции. Не потому, что я еврейка... То есть, не только потому. Зачем тебе лишние

глаза? Только не говори, что вы с папой дружили. Папа был тебе нужен, а я даже в говорящие попугаи не гожусь.

– Репертуар несколько подгулял, – я открыл пачку, повертел в пальцах, вновь отложил. – Все решаемо. Сейчас я выйду из дому и кликну первый же полицейский патруль. А всем знакомым скажу, что ты без спросу выбежала из пансиона за мороженым... Я буду очень убедителен.

Папироса, выпав изо рта, беззвучно упала на пол, но & даже не заметила.

– Да, дядя Рич, ты бываешь очень убедителен...

Резко встала, отвернулась.

– Что делаешь – делай быстрее. Так, кажется, говорил ваш Иисус? Когда здесь высадятся англичане, у меня тоже появится возможность сдать тебя первому же патрулю. И я тоже буду очень убедительной!

– Это вариант...

Я снял полотенце с заварочного чайника, расставил чашки по скатерти, достал сахарницу.

– Только тебе надо заранее все продумать, чтобы потом не сбиться... Садись, чай на столе!

& негромко фыркнула, но все же соизволила обернуться и проследовать к ближайшему стулу.

– Эти твои русские привычки, дядя! Еще бы самовар поставил – на десять ведер, чтобы сапогом раздувать... Я уже все продумала, могу даже написать книжку. Значит так...

На миг замолчала, наморщила лоб:

– Когда папу убили, ты забрал его машину, схватил меня и увез в ближайшую гостиницу...

– Мимо, – отхлебнув чаю, рассудил я. – Какая гостиница? Боши бомбили шоссе и все городишки на пути, даже отдельными домами не брезговали. Вместе с беженцами отходила армия, всё перемешалось... Я ведь советовал твоему отцу ехать на запад, а не на юг!

& размешала ложечкой сахар, кивнула.

– Да, все было иначе. Ты свернул в сторону от шоссе, чтобы нас не разбомбили, и поехал проселками на запад. В каком-то маленьком городе мы остановились, чтобы найти бензин. Ты снял комнату, очень дорого, весь дом забили беженцы. В ту ночь ты меня изнасиловал...

Она прикрыла глаза, неторопливо поднесла чашку ко рту, легко подула.

– Да! Так оно и случилось. Мне было страшно, очень страшно, а ты был очень тяжелый, от тебя пахло табаком, я старалась не плакать...

Открыла глаза, усмехнулась.

– Надо будет какой-нибудь роман полистать. Как, ты говорил, того писателя-извращенца зовут? Мсье Nabokoff? Жаль, что он напишет про свою дуру Лолиту только через пятнадцать лет. Я ничего не перепутала?

– В 1955-м. Ты права, описания у него удачные, есть чему поучиться. Но можно поступить проще. Когда попадешь в Штаты, найми безработного журналиста, из тех, что побойчее, и никакой Набоков не понадобится. После войны книги про страдания изнасилованных еврейских девочек будут в цене.

& задумалась, затем резко мотнула головой:

– Не хочу! Все будут тыкать мне в спину пальцами, а для моих родственничков я стану чем-то средним между библейской грешницей и уличной проституткой. Я лучше другое напишу! Ты не дал мне погибнуть, отвез сюда, и я стала помогать Сопротивлению. Ты был самым большим героем, а при тебе я – маленькая еврейская героиня. Мы с тобой спасали людей и переправляли оружие подполью. Или не оружие, что-нибудь другое, не важно, выдумую потом... Только, дядя Рич, ты моих американских родственников не знаешь. Они все равно меня будут поедом есть.

Отставила в сторону недопитую чашку, поглядела жалобно.

– А может, не будешь меня в Штаты отправлять, дядя Рич? Я ведь скоро вырасту!

Отвечать я не стал. Прошел к комоду, выдвинул верхний ящик.

– Родственников пошлешь подальше. Кстати, насчет подарка. Купишь себе сама, только не спеши тратить все сразу.

& недоверчиво повела носом.

– И сколько ты мне дашь, дядя? Как всегда, десятку?

Чековая книжка с негромким стуком упала на стол.

– На этот раз чуть побольше. Тут сто.

– Сто франков? – теперь в ее голосе звенела радость, искренняя, детская. Целых сто франков! Конфеты, пирожные, контрабандная «Кока-кола», флакончик приличных духов. Новая кукла...

– Долларов, – вздохнул я. – Сто тысяч американских долларов. Книжка на твое имя, но лучше тебе подождать до совершеннолетия и сразу завести себе толкового юриста. Родственникам пока ничего не говори. Будешь сочинять свою сказку – не называй настоящих имен, ни живых, ни мертвых. А лучше ни о чем не пиши.

& притронулась пальцем к чековой книжке, отдернула руку. Оскалилась – зло, по-взрослому.

– Значит, я стою сто тысяч, дядя Рич?

Выговорила глухо, неуверенно, словно воздухом подавилась. Я покачал головой.

– Ты пока ничего не стоишь, ты – даже не дырка между еблјати. Допивай чай, а я пока выйду перекурю.

Надел шляпу, привычно сдвинул ее на левое ухо, закусил зубами папиросный мундштук.

Шагнул к порогу.

– Ты – сволочь, дядя Рич! – ударило в спину. – Ты – мерзавец, подлец... Убийца! Не нужны мне твои сраные деньги!..

Я прикрыл дверь.

– Все равно я тебя люблю! – донеслось из несусветной дали, с края света. – Рич, я тебя люблю!.. Люблю!

Дикторский текст

Нуар – отрицание цвета. Белого нет, есть только серый и черный. Серый вечер и черная ночь – больше в этом мире ничего не случается. Вселенная Нуар невелика, конечно и очень проста. Мужчины носят плащи и шляпы, пьют коньяк и много курят. Женщины красивы и аккуратно причесаны, они тоже курят, говорят с легкой хрипотцой в голосе – и предаются при первой же возможности. В Нуаре нет высоких чувств и трепетных идеалов, в нем правят инстинкты, выгода и холодный расчет. Но победителей нет – и быть не может. Нуар – серо-черный мир неудачников, мир несбывшихся надежд и растоптанных иллюзий.

Нуар – далекое прошлое. Появившись на свет в годы Великой войны, он стал ее смутной тенью и одновременно отрицанием. Война – это кровь и грязь. Война – это мужество и самопожертвование. В Нуаре, мире теней, где даже кровь походит на грязь, подвиги совершать некому и незачем, Нуар негероичен по определению, в нем не штурмуют Берлин и не водружают флаг над Иводзимой. Но есть иная сторона. В серо-черном мире не убивают миллионами, Смерть там по-прежнему – трагедия, слово с прописной буквы. Люди Нуара остаются людьми, а не статистическими единицами в военных сводках. Мужчины и женщины не спешат расставаться с жизнью, но и не рвутся уничтожать себе подобных, не идут в атаку, не расстреливают заложников. Они пьют, много курят и предаются друг друга.

Война кончилась, умерла, Нуар прожил немногим дольше. Его должны были забыть – и его забыли. Серо-черная тень исчезла навсегда.

В победившем Дивном Новом мире Нуар смешон, нелеп и не политкорректен. Мужчины там слишком похожи на мужчин. Женщины излишне напоминают женщин. Серый вечер и черная ночь беспардонно реальны, словно сама Жизнь.

Общий план Побережье Западной Африки *Январь 1945 года*

Он вдруг понял, что думает на чужом языке. Не поверив, вдохнул поглубже, прокатил по рту горошинами несколько первых попавшихся фраз. Слова казались слишком короткими, сухими – и неожиданно злыми, словно собачий лай. Немецкий? Английский? Французский? Пока не важно, главное – вспомнить.

Человек сжал пальцами холодный мокрый металл, прикрыл глаза. Смотреть все равно не на что – ночь, туман над морем, пустая палуба.

Он забыл...

Паспорт спрятан в левом кармане пиджака. В нем – фамилия с именем, вымышленные, но давно ставшие привычными. Настоящее имя он тоже помнил, помнил, кто и откуда. Жизнь первая, жизнь вторая... Сейчас, кажется, начинается третья. Все прочее пока оставалось загадкой. Зимнее море, холодная громада корабля, чужие слова на языке, туман, туман, туман...

Brouillard, brouillard, brouillard...

Человек, пошарив по карманам пальто, вытащил картонную папиросную коробку, без всякого интереса взглянул на этикетку. Зажигалка нашлась в другом кармане, но курить не хотелось. Во рту было горько и неожиданно сухо.

«Мама мыла раму». Что может быть проще?

Maman lave le cadre...

Человек, машинально повторив нелепую фразу про «le cadre», провел влажной ладонью по лицу. Не беда, язык он вспомнит, поймет и все остальное. Страшно не это, не чужое море и пустая безлюдная палуба...

*Mon ami, mon ami,
Je suis malade a en crever.
ais cette douleur d'où me vient-elle?*

Человек закусил губу, взглянул прямо в мутные глаза тумана и наконец-то выдохнул полной грудью:

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

Он был совершенно трезв, но высохший рот внезапно обожгло глотком дрянного коньяка, когда-то выпитого в случайных гостях. Его не приглашали, напросился сам, помогло какое-то шапочное знакомство...

*Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги*

*Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.*

Убить Есенина решили в Париже, куда поэт приехал весной 1923 года. Идея была из самых глупых, бесперспективных во всех отношениях, но как раз перед этим сорвались две давно и тщательно подготовленные акции – в Крыму и на Кавказе – и кто-то в штабе поспешил реабилитироваться. Добыча казалась легкой и доступной, поэт же был сам виноват. «Мать моя родина, я – большевик». Убивали и за меньшее.

Наскоро собрали группу, проверили оружие. 25 мая Есенин должен был читать «Исповедь хулигана» в театре Дункана.

Исполнители, двое офицеров из Болгарии, бывшие галлиполийцы, стихов не читали. Уже второй год они мостили дороги где-то в горах, и возможность прикончить большевика, вне зависимости от фамилии и ранга, казались им подарком судьбы. Поэт? Тем хуже для поэта. Нашего Гумилева чекисты жалеть не стали!

Покушение все же не состоялось. В последний момент кто-то, чуть ли не сам Кутепов, сообразил, что такого подарка большевики не заслужили. Ретивых офицеров, поблагодарив, отправили обратно, а штабс-капитан Родион Гравицкий, надев взятый напрокат фрак, напросился в гости к известному театральному репортеру Фернану Дивуару. Намечался шумный прием в честь «le dernier poète du village russe»¹.

Штабс-капитан Гравицкий получил ясный и однозначный приказ: встретиться с Есениным, пока тот еще трезв, наговорить гадостей и пообещать верную пулю, если поэт хоть раз еще позволит себе похвалить большевиков и Большевизию. Штабс-капитан понял приказ правильно, но исполнил по-своему. Тогда-то и пришлось хлебнуть дрянного коньяку. Он еще удивился. Вроде бы и Франция, и бутылка прямиком из департамента Шарант...

¹ Последнего поэта русской деревни (франц.).

Затемнение Париж *Май 1923 года*

– У вас чужие глаза, Родион... И голос... Тоже чужой, словно вы надели не только фрак, но и чье-то тело. Когда я вас заметил, то почему-то подумал: вот он, мой Черный человек!.. Я тоже читаю газеты. Когда умрет Ленин, эти хулиганы сначала растопчут Троцкого, а потом вспомнят и обо мне. Но бежать? Нет, не уговаривайте. Между прочим, вы не первый и даже не десятый, все вокруг вырядились в черные перья и принялись дружно каркать. Кстати, вы тоже в черном! Не обижайтесь, меня часто заносит, к тому же мы оба выпили... Ужасный коньяк! И лица тоже ужасные, и воздух, и страна. Вы заметили? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет, здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства. А вы, Родион, предлагаете остаться?

– Да. Вы ничего не выиграете, станете тосковать, сильно пить, может, даже перестанете писать стихи. Зато будете жить – назло всем этим громилам и шарлатанам. Читать книги, думать, просто дышать воздухом. Радоваться, горевать... Жить! Переживете Ленина, Троцкого, Сталина, а в году этак 1960-м получите визу – и приедете домой, чтобы плюнуть на их могилы.

– Если бы вы были зеркалом, Родион, я бы бросил в вас тростью! Прямо в переносицу, чтобы вдребезги.

– Не поможет. Знаете, Сергей Александрович, когда-то мне казалось, что историю легко изменить. Достаточно знать расписание, время прибытия к следующей станции...

– Поезд – всего лишь груда грязного железа, его создал человек, и человек им управляет. Изменить же людей не сможет и Бог, даже если Он вправду существует. А еще есть Судьба – у каждого своя. Не согласны, Черный человек?

– Не согласен! Люди созданы по Его образу и подобию, значит, в их силах не только изменять миры, но и творить их. Я не верю в это, я просто знаю... Извините, Сергей Александрович, меня, кажется, тоже занесло...

– Прямиком в пустыню, на гору Искушения. «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их...» Не выйдет, Черный человек! У меня есть Родина. А что вы можете мне предложить? Разбитое зеркало?

– Пожалуй... «Месяц умер, синееет в окошко рассвет...»

Общий план Побережье Западной Африки *Январь 1945 года*

*...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковкала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...*

Тот, кого звали когда-то Родионом Гравицким, привычным движением смял папиросный мундштук гармошкой, щелкнул зажигалкой, прикрывая трепещущий синий огонек от порывов ледяного ветра. Вдохнул горький дым, усмехнулся. Уже лучше. Прорвемся!

Подумал по-русски, а затем для верности повторил вслух:

– Прорвемся!

Ветер подхватил слово, унес в туман, в безвидную белесую мглу. Человек, улыбнувшись, вновь поднес папиросу к губам. Ничего страшного, будем числить случившееся обычной контузией. Такое уже с ним случалось. Ударился головой о горячую таврийскую землю, скользнул в туман, в объятия серых теней. Потом открыл глаза, вспомнил свое имя, вспомнил родную речь...

...И даже название корабля! «Текора» под бразильским флагом с вымышленным портом приписки. Каждый месяц, в последнюю среду, ближе к вечеру, а порой и после заката таинственная «Текора» заходила в хорошо знакомый ему порт. Падал трап, несколько пассажиров неторопливо спускались на причал... Местные власти прекрасно знали, что никакого порта «Santus' в Бразилии нет, есть Porto de Santos, однако привычно закрывали на такие мелочи глаза. Еще один Летучий Голландец, невелика редкость. Документы в порядке, платят щедро.

Пассажиров «Текора» брала очень редко, грузами брезговала. Портовые грузчики, видевшие все суда на свете, считали бразильца контрабандистом, но не простым, а хитрым, работающим по серьезным заказам. Летучим Голландцем не заинтересовались даже немцы, высадившиеся в порту в конце 1940-го.

Родион Гравицкий, давно уже ставший Ричардом Граем, тоже не слишком задумывался, откуда и зачем приходит в порт странный контрабандист. Лишь как-то раз прикинул, что неплохо бы побывать на борту бразильского «Голландца». Просто так, праздного любопытства ради.

Довелось...

Ветер дул в лицо, разгоняя туман, раздирая белесую пелену в неопрятные мелкие клочки. Он тоже внезапно показался знакомым – харматан, сахарский северо-восточник. Горячий, даже знойный, несмотря на зиму, он терял тепло на грани воды и пустыни, превращаясь в ледяной атлантический норд-ост. Это могло показаться совпадением, но была еще Судьба, помянутая когда-то поэтом Есениным. «Текора» под бразильским флагом, африканский ветер...

Ричард Грай возвращался на старое пепелище. Корабль войдет в знакомый порт в последнюю среду месяца. Какого именно, пока еще неясно. В карманах пиджака – паспорт и несколько мятых ассигнаций, значит, можно взять такси, узнать у водителя месяц, а заодно число и год...

Папироса улетела за борт, и почти сразу вновь шелкнула зажигалка. Ветер загасил огонь, человек повернулся к нему спиной, прикурил...

Если дует харматан, значит, январь или февраль. А год? Кончилась ли война? Здесь спросить не у кого, палуба пуста.

*Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...*

Бывший штабс-капитан вдруг понял, что тогда, теплым маем 1923-го, он вовсе не собирался спасти Есенина от дурной пули. Поэт в этом не нуждался. Есенин любил маску простодушного деревенского Леля из рязанской глубинки, но в жизни наивностью никогда не страдал. Он знал, что делал – и когда читал стихи перед Государем, и вступая в эсеровскую партию, и после, когда пытался печататься в большевистской «Правде». Его ставка на Красного Льва Революции была ошибкой, но История вполне могла сделать иной поворот.

После визита на квартиру Фернана Дивуара штабс-капитан понял, что если бы покушение не отменили, он не стал бы участвовать, отказался – но и мешать не стал бы тоже. И не только потому, что помянутая поэтом Судьба отвела ему еще целых два с половиной года. Судьбе не только подчиняются – ее выбирают.

И все-таки хорошо, что поэт успел написать «Черного человека»...

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль...*

Эпизод с Есениным прошел и забылся, чтобы вспомниться через много-много лет. Но не забылось другое. Нелепая возня в майском Париже, приказы, отдаваемые и тут же отменяемые, офицеры-исполнители, не умеющие толком прятать оружие – вся эта трагикомическая оперетка окончательно убедила его, что рвущийся в белые вожжи Кутепов еще более глуп и бестолков, чем казалось прежде. Ни ума, ни таланта, одни лишь амбиции, густо перемешанные с носорожьим упрямством.

Где-то через год Врангель издал приказ о создании Русского Обще-Воинского Союза. Штабс-капитан не понял весьма прозрачного намека, когда же последовало недвусмысленное приглашение, отказался, напомнив, что уволен из армии еще весной 1921 года – по милости все того же Кутепова. Обвинение в трусости и дезертирстве выслушал спокойно, дуэлировать не пожелал – и вскоре объявился в Берлине, где был принят в Корпус Императорской Армии и Флота при Блюстителе Престола великом князе Кирилле Владимировиче. Вначале числился офицером по поручениям при генерале Обручеве, а затем уехал на Дальний Восток.

В Париж Родион Гравицкий уже не вернулся. Туда приехал Ричард Грай, подданный Алеппо, французского протектората на севере еще не родившейся Сирии. Нелепо выглядывший паспорт с арабскими буквами-муравьями ни к чему не обязывал, зато открывал все двери – в отличие от своего «нансеновского» собрата. В порт, куда в последнюю среду месяца заходила «Текора», требовалась специальная французская виза. Ричард Грай, чиновник при министерстве образования Алеппо, получил ее без особого труда. Визу пришлось возобновлять в 1938-м, когда Александреттский санджак Алеппо превратился в Республику Хатай, а затем еще через год, после того, как Хатай стал частью Турции. Турецкий гражданин во французском

колониальном порту тоже не вызвал особого удивления, к тому же предусмотрительный sayın Richard Gray² успел обзавестись недвижимостью и завести полезные знакомства.

В Париж бывший штабс-капитан навещался не слишком часто – и без малейшего удовольствия. Город ему не слишком нравился, говорить с бывшими сослуживцами, таксистами и официантами, было не о чем, французская же спесь откровенно раздражала. А потом началась война, и в Париже стало опасно. Контрразведка, стряхнув сонную одурь, рьяно взялась за работу, «частым гребнем» выгребая подозрительных эмигрантов. Турецкий паспорт стал теперь слабой защитой, пришлось покупать фальшивые документы на знаменитой Сорок Второй улице, рисковать, ночевать у случайных знакомых. Когда в мае 1940-го немцы прорвали фронт, Ричард Грай вздохнул с облегчением. Можно было уезжать, благо хороший приятель, известный врач, предложил место в своем авто. Они направились на юг, хотя куда умнее было бы повернуть на юго-запад, к Нанту или Ля-Рошели...

² Господин Ричард Грай (турецк.).

Затемнение Юго-западнее Парижа *Июнь 1940 года*

– Хорошо, дядя Рич, я буду послушной, буду тихо плакать, очень тихо... А... Папа действительно умер? Может, он только ранен?

– Ты же все видела. Мне очень жаль... Марк... Твой папа был моим хорошим другом. А еще он был очень толковым исследователем, и если мы с тобой погибнем, его открытие пропадет. Или хуже, достанется немцам.

– А что тогда будет? Мой папа врач, он не делал бомбы!

– Немцы станут сильнее. И ты даже не представляешь, насколько. А сильному легче воевать.

– Ты сказал: «Если мы с тобой...» «Если мы...»

– Если мы с тобой погибнем. Дороги бомбят, даже проселки. К тому же немцы очень скоро все узнают и начнут охоту. Тебя можно было бы оставить где-нибудь здесь, спрятать, но это слишком опасно.

– Потому что я еврейка? Очень заметно?

– Не слишком, но всегда найдутся люди с хорошим воображением. А потом тебе воткнут в щеку горящую сигарету – и ты расскажешь про доброго дядю Рича, который увез два портфеля с бумагами... Надо тебя коротко постричь, как можно уродливее, чтобы ты стала похожа черти на что, а не на девочку из семьи парижского врача. И еще... У тебя еврейское имя, придумай себе новое.

– А... какое? В школе меня дразнили «И». У меня инициалы AND. Если по-английски...

– Остроумно, но слишком коротко. Прямо как типографский значок. Знаешь, есть такой, вроде скорченного человека?

– Знаю. Только значок этот больше на змеюку похож. Скорченную... А куда мы с тобой поедем? В Америку?

– Никуда. Бензин скоро кончится. Если не достанем, придется идти пешком.

– А если я не смогу? Что ты со мной сделаешь, дядя Рич?

– Разве ты хочешь знать ответ? Хватит вопросов, сейчас мы остановимся, ты переберешься на заднее сиденье и ляжешь спать. А я поеду дальше, пока есть бензин.

– Ой, там же неудобно!

– Вообрази себя змеюкой. Скорченной. Или типографским значком.

– Это который &?

– Это который &.

Общий план **Побережье Западной Африки** *Январь 1945 года*

Ричард Грай, гражданин Турецкой республики, скользнув ладонью по мокрому металлу фальшборта, поднял воротник пальто, оглянулся. Можно было спуститься в бар, выпить пару рюмок, посидеть в нестойком тепле. Но видеть чужие незнакомые лица не хотелось, к тому же денег в обрез, плыть еще неведомо сколько, а он даже не узнал, какой нынче год на дворе. Сразу надо было спросить, но он пока не решился.

*О, неуверенность! Во мраке
Меня ведёшь ты наугад...*

На этот раз французские слова уже не казались чужими и злыми. Аполлинер ему всегда нравился, хотя в данном случае великий поэт был не совсем прав.

*И вот мы пятимся, как раки,
Всегда назад, назад, назад...*

Иногда лучше остаться во мраке под ручку с Девой-Неуверенностью, даже не зная года, месяца и числа. Порою неуверенность, нерешительность – всего лишь маски, а под ними нечто иное, куда более опасное. Для себя ты уже все понял, все решил, но еще не готов признаться, ищешь объяснения, пытаешься оправдаться и оправдать...

Крупный план Париж *Апрель 1943 года*

– Простите? – я постарался улыбнуться как можно мягче.

– О, нет-нет, я всего лишь удивился, что вы, иностранец, любите Аполлинера. Великий Гийом – очень сложный поэт, его даже в школе проходят факультативно.

Парень лгал – и уже не в первый раз. Он пытался сказать нечто иное, хотя и близкое. «Вы, ру...» Спыхватился, резко вдохнул теплый весенний воздух и только потом добавил «иностранца».

«Вы, русский!» То, что я родом из России, чернявый молодой человек в сером плаще и таком же сером берете знать не мог и не должен.

– Что вы, Шарль! Аполлинер и сам был иностранец, более того, иностранец весьма подозрительный. Насколько я помню, его даже хотели арестовать за похищение Джоконды... Ну что, пошли дальше.

Дальше была незнакомая улица, встретившая нас большим белым транспарантом. Тяжелые черные буквы вешали: «Deutsches Soldatenkino». Рядом пристроилось такое же белое полотно с орлом – «Организация Тодта». Немцы не разменивались на таблички. И в самом деле, чего стесняться?

Впритык к зольдатен-синемаграфу находился обувной магазин. На витрине модные женские туфли водили хоровод вокруг портрета Петена. Маршал довольно улыбался.

– Скорее, иностранцу не будут понятны классики или парнасская школа. Леконт де Лиль в переводах много проигрывает. Я и сам его не воспринимал, пока как следует не выучил французский...

За обувным, прямо поперек тротуара, стоял небольшой киоск с какой-то сувенирной дребеденью. Две аккуратные немочки в зеленой форме пытались объяснить с продавцом с помощью разговорника. Одинаковые пилотки с наклоном вправо, одинаковые черные чулки со строчкой ровно посреди крепких икр, тяжелые черные туфли, тоже одинаковые.

– Нет, нет, Шарль, не намекайте. У нас еще уйма времени, а я давно не был в Париже. К тому же вы обещали показать этих несчастных крокодилов.

Связной мне не понравился сразу же, в первую минуту знакомства. Внешне все было в порядке – пароль назван без запинки, глаза не бегали, парень смотрел прямо, улыбался. Место, время и даже приметы (серый плащ, серый берет) совпадали, но что-то было не так. Он представился, назвав не только имя, само собой, вымышленное, но столь же чужую фамилию. Зачем? Даже если она у него записана в пропуске, мне незачем ее знать. К тому же Шарль попытался назвать меня «товарищем». С какой стати? Приглашение в Париж прислали «лондонцы», люди де Голля. Лотарингский крест плохо уживался с красной звездой.

А еще он очень торопился и торопил меня. Встреча назначена на шесть вечера, спешить вроде бы некуда.

– Вас, вижу, что-то удивляет? Это? Афиша?

«Это» было даже не афишей, а целым билбордом, как выразились бы потомки. Первая строка черным: «Посетите международную выставку!» Ниже красным, в две строчки: «Большевизм против Европы». Авеню Ваграм, 39, Зал Ваграм. И черная стрелка, дабы не заблудиться.

– Нет, Шарль, продукция доктора Геббельса меня давно не удивляет...

Рядом с билбордом – объявление поменьше, на этот раз вполне с афишу. Буквы серые, какие-то несолидные. «Американская плутократия – враг Свободной Европы. Лекция профес-

сора Мадридского университета Лео Гершинина». Тоже авеню Ваграм, дом 39, но не «Salle», а помещение лектория.

По тротуару же спешили по своим делам парижане. Хорошо одетые, улыбающиеся, довольные жизнью. Немцев тоже хватало, точно таких же ухоженных и веселых. Никто не шарахался друг от друга, не пытался обойти стороной.

– Меня удивляет город, Шарль. Там, откуда я прибыл, все уверены, что Париж совсем другой. Патрули на улицах, редкие прохожие жмутся к стенам, а на стенах объявления о расстреле заложников...

Парень изумленно моргнул.

– Но это типичная лондонская... То есть, я хотел сказать, что пропаганда, даже наша, антифашистская, неизбежно все упрощает. В городе не так и весело, мсье³, женщины носят туфли на деревянной подошве, цены растут, молодежь мобилизуют на работы. Но Париж остается Парижем, к тому же, сейчас весна...

Шарль, улыбнувшись чуть виновато, развел руками. Я понимающе кивнул. Весна, пора любви, скоро зацветут каштаны на бульварах. Амур, тужур, бонжур, ля кур...

«О, неуверенность! Во мраке меня ведёшь ты наугад...» Я уже знал, что убью этого парня, но все пытался объяснить, оправдать. И в самом деле! Боши в Парже уже почти три года, люди привыкли, жизнь продолжается. А парень просто волнуется, ему поручили очень важное задание, он боится сделать что-то не так, не оправдать доверия...

«О, неуверенность! Во мраке...»

– Ну, где там наши крокодилы?

Крокодилы ждали нас на Площади Нации – громадные, нелепые, зеленые от патины, похожие на заблудившихся во Времени доисторических ящеров. Деловитые работяги уже успели разобраться с первым – выломав из пустого фонтана, подцепили к крану, оттащили в сторону и бросили посреди площади. Второй еще сопротивлялся, грозно щерил зубастую пасть. Металлический монстр был велик, страшен, полон холодной бронзовой ярости, он не хотел сдаваться без боя...

Звук отбойного молотка заставил невольно вздрогнуть. Подумалось, что яростного гада пытаются дострелить. Очередь, еще одна, еще... Бронза сопротивлялась оккупантам. Слабая людская плоть смирилась. А крокодил? Что крокодил? Каштаны, весна, любовь, любовь, любовь...

У зайцев и влюбленных две напасти:

Они дрожат от страха и от страсти.

Великий Гийом как в воду глядел. Два юных парижских зайчика лобызались в двух шагах от поверженного чудища...

Памятники начали снимать осенью 1941-го, в самый разгар боев за Москву. Немцам требовался цветной металл, но дело было, конечно, не только в нескольких тоннах бронзы или свинца. Нацию побежденных в очередной раз унижали, заодно проводя тест на покорность. Вот они, ваши герои, ваши мученики, ваши любимцы – сброшенные с пьедесталов, изувеченные, разрезанные автогенном! И не бошами-оккупантами, а самими же добрыми парижанами. Лондонские газеты публиковали фотографии разбитых статуй и пустых пьедесталов, печатали списки-похоронки, а я все ждал, что у кого-то из парижан окажется не заячье сердце. Не дождался – ни выстрела в ответ, ни крика, ни писка. Съели и облизулись.

Просматривая очередной список уничтоженных монументов, я легко находил знакомые имена. Кондорсе, Тьер, Марат, Гюго... Но куда больше было неизвестных, о ком и слышать не

³ Здесь и далее. В ряде случаев «мсье», «мадемуазель» и «мадам» оставлены без перевода.

доводилось. Какие-то сенаторы, министры, врачи, учителя, офицеры и солдаты, просто скульптуры из парков – рядовые заложники, попавшие в общий список. Немцы знали, что делали, уничтожая не памятники – Историю ненавистных им «лягушатников». А французы? Хоть бы бомбу кто кинул!

Я досмотрел казнь до конца. Крокодил погиб в бою – единственный храбрец на весь город. Пока его добивали, я продумал то, что буду делать дальше. Мы пойдем с Шарлем на Монмартр, на Гору Мучеников, и я попрошу провести меня к церкви Святого Сердца. Днем там не слишком людно...

Уезжать из города надо сразу, ни с кем не встречаясь, никому не телефонируя. Жаль! Очень хотелось сходить на лекцию к профессору Мадридского университета, борцу с заокеанской плутократией. Давно уже мечтал повидать бывшего прапорщика Льва Гершинина. Поговорить по душам, взять за лацканы, объяснить, кто он такой и чего стоит...

Только надо ли? Лёва и так все понимает. Наша птица-говорун всегда отличалась умом и сообразительностью.

– Ну что, Шарль? – улыбнулся я. – Забегал я вас? Еще один маршрут выдержите?

– Конечно! Куда еще ходим?

Парень усмехнулся в ответ. Яркие молодые губы, честные серые глаза...

Общий план **Побережье Западной Африки** *Январь 1945 года*

Только через год, перед новой, последней, поездкой во Францию, Ричард Грай разгадал нехитрый парижский ребус. Убитый им связной не был ни агентом гестапо, ни сотрудником секретной службы Виши. Он честно выполнял приказ подполья – встретить тайного гостя, проводить в условленное место, а потом, если понадобится, помочь зарыть труп. В Лондоне хотели избавиться от слишком самостоятельного эмигранта, упорно не желавшего восхищаться де Голлем и даже не пожелавшего с ним встретиться. Последней каплей стали переговоры с генералом Жиро, имевшим свои виды на будущее освобожденной Франции.

Бывший штабс-капитан был всего лишь пешкой. Но и пешка способна объявить «шах».

Парижское подполье поспешило выполнить приказ. Ошиблись в одном: связной Шарль узнал все заранее и невольно выдал – и себя, и своих командиров. Он-то и оказался крайним. Уже мертвого, его ослабили провокатором и гестаповским агентом.

Ричард Грай не стал жалеть парня.

Ветер стих, туман отступил, ушел и холод. Тьма стала гуще, но человеку почудилось, будто вдали, у самого горизонта, проступила еле заметная неровная черная твердь. Это внезапно успокоило. А еще он вспомнил число – 31 января. Просто вспомнил, без особого труда. Год – 1945-й, день недели – среда. «Текора» зайдет в знакомый порт ближе к ночи.

Сегодня...

Оставалось подвести итог, пусть пока еще предварительный. В сентябре позапрошлого, 1943-го, он уехал на Корсику по поручению генерала Жиро. Идея казалась перспективной – увести остров из-под длинного носа де Голля. Тот не пожелал помочь местным партизанам-«маки», не слишком жаловавшим носатого выскочку. Корсиканцев оставили умирать, но Жиро сумел подбросить оружие и в последний момент высадил преданных ему бойцов из Сражающейся Франции. 5 октября в освобожденном Аяччо, на родине Великого Корсиканца, с Ричардом Греем встретился только что прилетевший на остров эmissар де Голля. Бывший штабс-капитан не ждал ничего хорошего от этого разговора, но совершенно неожиданно ему было предложено забыть о прошлом и начать все с чистого листа.

«Чистый лист» находился в Альпах, в департаменте Верхняя Савойя.

Ричард Грай обдумал все и согласился. Альпийские горы должны были стать последней точкой его долгого путешествия. Именно оттуда следовало уйти, исчезнув навеки, без следа, без памяти. Все рассчитано и взвешено, оставалось поставить точку.

Летом 1944-го точка была поставлена. Уйти не удалось.

Да, такое с ним уже случалось. Ударился головой о горячую таврийскую землю, скользнул в туман, в объятия серых теней. Контузия под Мелитополем, потом еще одна, на Каховском плацдарме... Но тогда штабс-капитан открыл глаза всего через пару часов. Во фронтовом госпитале, а не на чужом корабле с фальшивым портом приписки – в мире, где его не было больше полугода...

Попытка к бегству не удалась. Его вернули – на пепелище, на выжженную землю. Если он не ошибся, и сегодня «Текора» войдет в порт, придется начинать все сначала. Сперва разобраться с тем, что случилось, потом...

Человек беззвучно дернул губами. «Потом» – будет потом. Для начала требуется попасть в город. Нужные печати в паспорте остались, но за эти месяцы многое наверняка успело измениться. Могут завернуть на пограничном пункте. Могут и арестовать, особенно если там сей-

час англичане. Если же в городе вновь утвердились хозяева-французы, риск ничуть не меньший. Длинноносый де Голль все-таки победил, и по всей Прекрасной Франции, от Парижа до самых до окраин, покатила волна «зачисток». Благо, поводов хоть отбавляй: коллаборационизм, помощь врагу, само собой, сотрудничество с гестапо. Расстреливают часто даже без всякого трибунала, просто убивают, в лучшем случае запирают за решетку для будущих показательных процессов. Зайчики-патриоты, забыв страх, возгорелись всепожирающей страстью. Сколь сладостно мстить врагу, особенно если безопасность полностью гарантирована! Ричард Грай вспомнил виденные совсем в ином мире фотографии остриженных наголо женщин – им тоже мстили, срывали одежду, мазали грязью, водили по улицам под свистки и улюлюканье, избивали, а порой и убивали. Едва ли здесь будет иначе. Где все эти герои были пару лет назад?

Бывший штабс-капитан попытался разглядеть хоть что-нибудь в черной тьме, подступившей к самому борту. Нет, не увидеть, даже если берег уже близко...

Могут ли вспомнить о нем? Конечно! Предателей и врагов ищут всюду, и в первую очередь среди Сопrotивления. Победителям нужна их История. Собственные ошибки и даже откровенную измену следует списать на других, кому нет места у праздничного стола.

Если не арестуют прямо в порту... Может, и не арестуют, потому что не ждут. Ричард Грай, специальный представитель Французского Национального комитета, погиб далеко отсюда – среди альпийских вершин, в департаменте Верхняя Савойя. Впрочем, не обязательно погиб. Исчез, пропал без вести, перебежал к врагу – нужное подчеркнуть. Значит, есть некоторый временной запас, можно сказать, люфт. Пока удивятся, пока наведут справки...

Ричард Грай вновь дернул губами, пытаясь улыбнуться. С непривычки вышло не слишком ловко, не улыбка – гримаса боли.

Ничего, прорвемся! Как любил говаривать незабвенный Липка: «Это еще не смерть, господа!»

Крупный план Полуостров Галлиполи *Март 1921 года*

– Это еще не смерть, господа! – наставительно заметил Липка, передавая кружку прапорщику Льву Гершину. Тот, торопливо плеснув мутной жидкости из бутылки, с шумом выдохнул воздух, приложился...

Я поглядел с немалым интересом. «Раки» – даже не таврический самогон, это куда страшнее. Не смерть, конечно, но...

...Вдохнул, выдохнул, закричал, моргнул изумленно.

– Ребята-а, всякое пил, но чтобы такую га-а-адость!.. Закусить ничего нет?

– Барствуем, прапорщик? – осведомился я, затягиваясь мерзкой турецкой папиросиной. – Расстегай на четыре угла часом не желаете? Здесь вам, между прочим, не Одесса.

Лёва обиженно засопел, став внезапно похожим не на своего тезку – Царя Зверей, а на сильно отощавшего тюленя. Длинный, мордатый, с нелепыми усиками под тяжелым крупным носом... Плыл, бедняга, по Мраморному морю, не угадал направление, врезался напрямик в берег – да и заполз аккурат на поганое Голое Поле.

К марту в Галлиполи стало совсем худо. Проели и пропили всё, вплоть до обручальных колец. Впереди же – ничего, только черная безнадега.

– Жра-ать хочу! – простонал Лёва-тюлень. – Если бы вы знали, ребята-а, как я хочу жрать! Ку-у-уша-а-ать!..

– Где уж нам, да, – невозмутимо согласился Липка. – Мы же с Родионом только что из ресторации. Между прочим, на эти деньги можно было купить консервов. Но, кажется, проголосовали единогласно?

Липка – штабс-капитан Фёдор Липа – в мирной обстановке практически лишен эмоций. Вне боя он вообще незаметен. Невысокий, белесый, словно стертый. Лицо – взглянешь и забудешь. Если же станешь присматриваться, поймешь только то, что там чего-то явно не хватает. Даже странно: и нос, вроде, на месте, и губы, и светлые брови. А все равно, не выходит полный комплект.

В бою штабс-капитан совсем другой. Но этого, другого Липку, вспоминать не хочется.

– Ку-у-уша-а-ать! – вновь протянул прапорщик. – Вы по себе, ребята-а, не меряйте, я очень большой и очень толстый!..

Привстал, оглянулся безнадежно.

– К «серёжам», что ли, сходить? У них всегда жра-атва есть. Федюня, ка-ак посоветуешь?

– О-о, это мысль! – длинный палец штабс-капитана уткнулся прямо в свинцовое от туч небо. – У стрелков сенегальского контингента, в просторечии именуемых «серёжами», паек отменный. Исполнишь им «Лазаре воскресе», спляшешь краковяк, на коленках поползаешь. Может, и подкинут чего.

Есть у Липки дурная манера – ни слова в простоте, особенно когда требуется подкузьмить нашего Льва. Но тот уже привык. Не только не обиделся, но даже кивнул согласно. Негры-сенегальцы охотно меняли продукты, но просить «просто так» – пустой номер.

Помянутые «серёжи» скучали совсем неподалеку, шагах в сорока. После вчерашней драки «дроздов» с корниловцами французско-сенегальские патрули стали дежурить прямо между нашими палатками. Больше никто лагерь не охранял. Ни часовых, ни дневальных...

Голое Поле дичало и зверело. Первые недели еще как-то держались, помнили устав, но уже к новому, 1921 году все покатило под откос. Сначала пошли в ход кулаки, потом пьяные «дрозды» принялись обстреливать палатки, выбирая те, где начальства гуще.

«Раки» мы решили приговорить почти посреди лагеря, на берегу гнилой речушки с непроизносимым названием Бююкдере. Бросили на землю какой-то деревянный хлам, сверху постелили шинели. Чудесное место с видом на двухэтажный краснокирпичный дом, где разместились штаб. Пусть смотрят и завидуют, не жалко!

– По второй, – вздохнул я, отбирая у Льва кружку. – А третью оставим на потом. Разговор есть.

Ради этого разговора я согласился потратить последние деньги от проданного перстня на бутылку жуткой «раки». Не всякая беседа – на трезвую голову.

– Погоди, – мрачным тоном проговорил Гершинин. – Я та-анку сочинил. Сейчас прочитаю...

– Это какую? – вздернул светлую бровь Липка. – «Рено» или «Марк»?

Лев нахмурился зимней тучей, вскинул голову.

*Что нам до статуй и их изгибов,
До роз и тюльпанов на празднике мая:
В спирте с водой прополоскать мозги бы,
Когда их больно тоска сжимает!*

Не проговорил – пророкотал. Странное дело, но в миг поэтических излияний речь нашего тюленя меняется, да так, что хоть к Станиславскому парня отправляй. И согласные на месте, и тон соответствует.

– «И их изгибов» – зияние, – сухо отреагировал Липка, – «больно тоска сжимает» – трюизм.

Немного подумав, резюмировал:

– Давай еще!

Лев не заставил себя просить. Приосанился, надул щеки:

*Как язвой, заревом запад застлан,
А небо стало угрюмо-сизым;
Занозой месяц заткнулся снизу
Напротив места, где солнце гасло.*

*Пейзаж пронизан угарным дымом,
Горят деревни, с морозом споря,
Ведь край суровый, залитый горем,
Забыв стал ныне Отцом и Сыном...*

Выдохнул, уперся взглядом в носки собственных давно не чищенных сапог. Штабс-капитан скривился, явно хотел что-то сказать, но в последний миг раздумал. Я тоже воздержался от оценки. Бедному Льву, нашему горе-капитану Лебядкину, и так достается, и по делу, и не слишком...

Но не хвалить же такое!

На этот раз пили молча. Даже Лёва не сопел, глотал тихо, только носом дергал. Закурив новую папиросу, я прокашлялся, прогоняя горечь, поставил кружку посередине, с бутылкой рядом.

– Господа офицеры!..

Липка дернулся – устав у парня, можно сказать, в крови. Вставать не стал, но поправил воротник, посерьезнел взглядом. Лёва не отреагировал никак. То ли слышал, то ли нет.

В нашей тройке я – главный. Штабс-капитан, как и Федор, но опережаю его по производству. Мы с ним ровесники, Гершинин на год старше... По крайней мере, если верить документам.

– Докладываю обстановку. С ноября прошлого, 1920-го, года наше начальство в лице командира 1-го пехотного корпуса его превосходительства генерала Кутепова, в просторечии именуемого Носорогом, а также Фельдфебелем и Кутеп-пашою, с переменным успехом ведет войну с личным составом. В штабных документах это действие именуется борьбой за дисциплину. Всем присутствующим уже приходилось сживать в сарае с пышным названием «Губа», посему от подробностей воздержусь...

Послышался тяжелый вздох. Бедного Лёву выпустили из Губы-сарая только позавчера. Сидел он там три дня, паек же получал хорошо если половинный.

– На яхту «Лукулл», где сейчас пребывает Главнокомандующий, штаб посылает доклады под грифом «В Багдаде все спокойно». Однако Кутеп-паша, пусть и дурак, но понимает, что эта бордель негритянская ничем хорошим не кончится. Тем более, наши союзнички, господа французы, тонко намекают, что помянутую бордель они больше терпеть не намерены.

Недавно корниловская рота одержала великую победу над сенегальским патрулем. Ни в чем не повинных «серёж», честно выполнявших начальственный приказ, избили в хлам. На месте французов я бы уже выкатил пулеметы.

– Поэтому Кутепов решил действовать иначе. В ближайшие дни он предложит всем желающим покинуть армию и перейти на положение беженцев. По прикидкам штаба, таковых будет не менее четверти личного состава. Остальных же начнут подтягивать фронтовыми методами, вплоть до расстрелов. Французы вроде бы дали добро.

– Ра-асстрелов?! – вскинулся Лёва. – О чем ты, Родя? Ка-акие ра-асстрелы?

– Такие, – шевельнул бледными губами Липка. – Это еще ничего, в Новороссийске Носорог предпочитал вешать. Видать, веревки у него все вышли... Я тоже об этом слыхал. Всякое нарушение дисциплины будет приравнено к дезертирству – со всеми вытекающими. Кстати, судить намерены не только за нарушение устава, но и за лишние разговоры. Как ты говоришь, Родион, за мыслепреступления. Чужих глаз здесь нет – шлепнут и прикопают. Французам плевать, мы для них хуже негров.

Гершинин втянул голову в плечи, засопел обиженно.

– У меня, между прочим, желудок больной...

– Ты хотел сказать «большой», – уточнил я. – Сие тоже фактор, кормить нас лучше не станут, но даже не это главное...

От возмущения Лёва даже привстал, но я поднял руку.

– Минуту! Даже не это главное. Сейчас весна 1921-го. Большевики только что задавили Кронштадт, скоро падет Грузия. На Дальнем Востоке разбит Семёнов, Приморье держится только благодаря японцам. С другой стороны, британцы уже торгуют с Советами, лимитрофы Прибалтики заключили мир... Что мы здесь делаем, ребята, в этом Галлиполи? Играем в солдатики?

Ответом было молчание, тяжелое, долгое. Наконец Липка вскинул голову.

– Господин-штабс капитан, это есть мыслепреступление в чистом виде, да!..

Ударил бесцветным взглядом, дернул уголками губ.

– То есть, ты хочешь сказать, Родион, что всем желающим выдадут беженские документы? И отсюда можно будет уехать?

Я улыбнулся в ответ. Федор Липа все понял сразу. Гершинин же укоризненно покачал большой головой:

– Что ты говоришь, Родя? Ты же офицер, ты присягу да-авал! Это наш долг, мы за Россию сра-ажаемся! Когда Вра-ангель сюда в январе приезжал, он твердо обеща-ал, что весной мы

вернемся. Говорят, высадка на-амечается, на Кавка-азе. Там ка-аждый человек будет нужен. А ты дезертировать предлага-аешь?

Удивляться не приходилось. Лёва – странный парень. То о желудке своем безразмерном сокрушается, то начинает вещать, как два ОСВАГа разом.

– Не дезертировать, – терпеливо пояснил я, – а воспользоваться мудрым предложением командования. Война кончилась, мы ее проиграли вчистую. Никакого реванша в ближайшие годы не предвидится. Все, что может Врангель, это отправить нас куда-нибудь в Болгарию или Сербию. Кому повезет, тот устроится в деревенскую полицию, остальные пойдут батрачить или ямы рыть. Неужели у тебя других планов нет?

Гершинин взглянул исподлобья:

– Я, между прочим, в Новороссийском университете обуча-а-ался.

Мы с Липкой переглянулись, но комментировать не стали. За эти месяцы пришлось выслушать с дюжину вариантов жизнеописания нашего Льва. Совпадали они лишь в одном: Одесса и гимназия Илиади. Остальное разнилось. Гершинин, если ему верить, умудрился побывать и в галицийских окопах, и в застенках ВЧК, и в штабе генерала Бредова. Университет – это уже что-то новое.

– Дева-а-аться нам некуда, Родя, – чуть подумав, продолжил Лёва. – Что в Ста-амбуле творится, ты не хуже меня знаешь. Тара-аканьи бега нам, что ли, устра-аивать? А из Турции без па-аспорта не выехать. Его в нашем русском посольстве купить можно, но та-аких денег во всем Га-аллиполи нет. Даже если через гра-аницу переберемся, без на-адежных документов нас даже ба-атраками не возьмут. Разве что в А-африку завербоваться можно, верблюдов по Са-ахаре гонять.

Липка многозначительно цокнул языком. Перевод не требовался. Хитрый Лев, оказывается, уже все вызнал. А еще о присяге толковал!

– Еще какие соображения? – поинтересовался я.

Гершинин дернул широкими мягкими плечами. Верблюды его, похоже, не вдохновляли.

– В Африку не хочу, – невозмутимо заметил Липка. – Соображение же вот такое. Допьем эту дрянь и выслушаем мнение старшего по званию и производству, да. Я к этому мнению заранее присоединяюсь.

Бутылка с мутной «ракы» уже зависла над кружкой. Я одобрительно кивнул.

– Принято! Только вот насчет Африки не согласен. Ребята! Никому мы, русские, не будем нужны, ни в Париже, ни на Огненной Земле. Везде придется горбатиться, чтобы на хлеб с водкой хватило. Но есть еще соображение. Совдепия нас не забудет, значит, лучше отправиться куда-нибудь подальше. В Северо-Американские Штаты не хочу, а вот в Африке...

Жуткий турецкий самогон на миг сбил дыхание.

– Да, в Африке... А точнее, во Французском Марокко, южнее Касабланки, есть город Эль-Джадира. Лично я намерен направиться именно туда. Но это далекая перспектива, а насчет Стамбула...

Я передал кружку штабс-капитану и на всякий случай оглянулся. А вдруг его превосходительство генерал от инфантерии Кутепов изволил устроить личный сыск – подполз, маскируясь под кучу мусора, и сейчас подслушивает?

– Мы подадим рапорта и получим беженские справки. С ними нас пропустят в Стамбул. С собой обязательно захватим оружие, пригодится. Лев прав, границу нам не перейти... по суше.

– Так-так, – прокомментировал Липка и внезапно, диво дивное, улыбнулся.

– Именно. В порту полно кораблей. На приличную посудину нас не возьмут, но мало ли тут ходит всякой левантийской мелочи? Завербуемся хоть кочегарами, не помрем. А там – по обстановке.

При слове «кочегарами» бедный Лев вздрогнул. Штабс-капитан взглянул не без иронии, но усугублять не стал. Гершинин же сгреб огромной ручищей пустую бутылку, поглядел на свет...

*Когда хромым, неверным шагом
Я прилечусь сквозь утра тюль,
Когда невраз, вразброд, зигзагом,
По мне рванут метлой из пульт;
Когда метнет пожаром алым
Нестройный залл на серый двор...*

Подставил кружку, потрянул посудину. Раз, другой.

Капнуло...

Тюлень, он же Царь Зверей, пошевелил ноздрями, вздохнул безнадежно:

*...А я уныло и устало
Ударюсь черепом в забор —
Только лишь только я узнаю,
Что составляет наш удел:
В небытие иль в двери рая
Ведет конец житейских дел...*

Общий план Эль-Джадира *Январь 1945 года*

...И только ступив на сушу – на мокрый, подернутый тонким нестойким ледком причал, он понял, что проснулся окончательно. Железный борт «Текоры» возвышался рядом, дыша зимним холодом, но Ричард Грай вдруг сообразил, что после нескольких дней плавания в памяти не осталось ничего, кроме смутных обрывков. Ни утра, ни дня, ни вечера, только ночь, только пустая палуба.

Ветер-харматан в лицо, черное пятно среди черной тьмы...

Да был ли он там вообще? Мысль показалась настолько дикой, невозможной, что тут же захотелось остановиться и оглянуться. Корабль никуда не исчез, огромный, тяжелый. Электрический огонь пылал, разгоняя вечернюю тьму. Все реально, все – настоящее.

Оборачиваться не стал, останавливаться тоже. Хватит и того, что по трапу он сошел один. Чему удивляться, если и на палубе он никого не встретил, и в каюте... Ричард Грай дернул губами. Не было никакой каюты! И бара не было, и выпитой им перед самым прибытием стопки коньяка. Остались какие-то пятна разноцветные, тени, далекий неясный шум. Так уходит из памяти короткий сон.

Человек попытался улыбнуться. Ничего, он проснулся!

– Вам сюда, мсье! Паспортный контроль.

Служивый в форме говорил по-французски, значит, англичане уже отсюда ушли. Бывший штабс-капитан подумал об этом мельком, равнодушно, хотя именно гостей с Альбиона следовало опасаться в первую очередь. Британцы давно уже хотели задать ему несколько интересных вопросов. Как пишется в соответствующих объявлениях, «Wanted». Зато удивило лицо встречающего. Вместо цинковой казенной физиономии, на которой равнодушие спорит с презрением, – легкая растерянность, даже страх.

– Что-то не так, сержант?

Усатый «ажан»⁴ явно хотел промолчать, но все-таки не удержался.

– Только что проиграл десять франков, мсье. Пospорил с сослуживцем насчет вашего корабля, «Текоры». Недавно мы получили официальное разъяснение, что этого судна не существует. Нет в природе! Его приход даже запрещено регистрировать, мсье. Я здесь в порту временно, переведен из районного комиссариата – соседнего, тут рядом. Вот и решил, что здешние парни меня просто разыгрывают, байки травят. Сами понимаете, мсье, Летучий Голландец, пассажиры-призраки... Не знаю, что писать в отчете, мсье.

Стало ясно, что «Текора» давно сюда не заходила. А сегодня появилась – только ради него одного.

– Почему – призраки? – все-таки удивился он. – Мало ли кого по морю возят?

Сержант, согласно кивнув, предупредительно открыл тяжелую деревянную дверь, прошелестел скороговоркой.

– Мсье, я знаю, что такое государственная тайна. Если вам надо куда-нибудь позвонить без свидетелей...

Ричард Грай покачал головой. Мы всё пытаемся объяснить, даже то, что объяснить невозможно. Иначе слишком неуютно станет жить. Проще верить себя, будто видел сон. Или что несуществующий корабль привез шпиона, выполнившего секретную миссию.

⁴ Полицейский, сыщик (франц.) – жаргонное выражение.

Бывший штабс-капитан положил паспорт на полированное дерево столешницы, присел, закрыл глаза. Его о чем-то спрашивали, он что-то отвечал. А потом перестал, просто сидел на стуле, молчал, ничего не слыша, кроме легкого, еле уловимого стука собственного сердца. Пропустят, задержат, оставят в порту до следующего прихода бразильского Голландца... Велика ли разница? Он часто уезжал и возвращался, и каждый раз было что-то нужно. Спешил, беспокоился, строил планы, ждал встречи.

Теперь – ничего. Вообще ничего. Из ниоткуда в никуда.

– Ваш паспорт, мсье Грай. Добро пожаловать во Французскую Африку! Но визу надо обязательно продлить, советую обратиться к консулу, к мсье Тарджану.

К консулу?! Ах да, он же теперь турок, не казак. Здається, добре обернувся. Как дальше у Гулака-Артемовского?

– Да, конечно. Обязательно обращаюсь. Спасибо!

«І як воно зробилось так, що в турка я перевернувся?»

Первый паспорт, полученный им в этом мире, был чехословацкий. В Вооруженных силах Юга России, а позже в Русской армии Врангеля прекрасно обходились без лишних формальностей. Если требовалось, штаб выдавал отпечатанную на старой машинке бумаженцию, командир полка ставил подпись. Что-то похожее штабс-капитан Гравицкий получил в Галлиполи. Не сразу – его рапорт поначалу завернули, велел явиться в каменное двухэтажное здание штаба, этаж второй, комната в торце. Менее всего хотелось видиться с Кутеповым, но штабс-капитану повезло. Его принял дроздец Витковский, с которым, по крайней мере, можно было разговаривать на человеческом языке. «Дрозд» посетовал, что затея с увольнением дала неожиданный результат. Рапорта стали подавать не штафирки, попавшие в армию по мобилизации, а ветераны. Последствия очевидны и печальны. О чем будут говорить остающиеся, узнав, что армию бросил бывший юнкер Гравицкий, начавший борьбу с большевиками еще в октябре 1917-го? В лагере много молодежи, таких же юнкеров, у которых впереди целая жизнь. Если имеются какие-то трудности, штаб готов помочь, в разумных, конечно, пределах...

Объясняться штабс-капитан не стал, пообещав вернуться в армию в первый же день похода в Россию. В этом случае он готов идти хоть рядовым.

Завербоваться на корабль удалось почти сразу – капитан египетского «грузовика» рассчитал почти всю команду, умудрившуюся устроить кровавую поножовщину. Даже Гершинину сумели найти место. Их, вчерашних галлиполийцев, охотно приютило море, но отвергла суша. Всё, на что могли рассчитывать три бывших офицера – это короткие увольнения в попутных портах. Бывший штабс-капитан отнесся к этому философски, решив не торопить события, Лёва-тюлень откровенно скис, а вот Липка удивил. Еще в Стамбуле на последние деньги он отправил куда-то длинную телеграмму, в Бейруте получил ответ – и внезапно заявил, что им обязательно надо попасть в Гамбург.

В немецком порту сослуживцы оказались через полгода, сменив уже третий корабль. Вовремя! Бедняга Гершинин окончательно пал духом, став похожим даже не на тюленя, а на старый пожарный шланг. Гравицкий, напротив, втянулся в корабельную жизнь и был не против ее продолжить, но Судьба в виде неприметного молодого человека в строгом костюме рассудила иначе. Незнакомец долго беседовал с Липкой один на один, затем, молча откланявшись, укатил на такси – и на руках у скитальцев оказались три чехословацких паспорта. Вручив приятелям документы, штабс-капитан Федор Липа стал по стойке смирно, щелкнул каблуками и широко улыбнулся. Объяснений давать не стал, но пригласил всех в Берлин – сперва погостить, а там, глядишь, и остаться.

От приглашения отказались, хоть и не без сожаления. Воспрямивший духом Лев распушил усы и помчался к кассе брать билет до Праги. В столице Чехословакии намечалось открытие русского университета, и выпускник гимназии Илиади надеялся успеть к началу семестра.

Родион Гравицкий решил ехать во Францию. Прощаясь с Липкой, он, не удержавшись, вновь попросил приятеля открыть секрет случившегося чуда. Тот согласился, но попросил слегка обождать.

Пану Гравицкому, гражданину демократической Чехословакии, жилось вполне комфортно. Ступить на землю вновь приобретенной отчизны он так и не удосужился, зато границы пересекались без особых проблем. Однако бывший штабс-капитан помнил, что жить государству чехов, словаков и русинов осталось недолго – после марта 1939-го его паспорт станет «волчьим билетом». Впрочем, судьба граждан прочих европейских стран будет столь же незавидной. Друг-приятель Липка, не теряя времени даром, давно уже стал германским подданным, но этот вариант прельщал еще меньше.

В 1928-м году, возвращаясь в Европу после очередного рейда по советскому Забайкалью, Родион Гравицкий заехал в город Алеппо, центр французского протектората. Появилась зацепка – брат сослуживца по отряду полковника Назарова работал в одном из местных департаментов. Документ с арабскими буквами-муравьями обошелся в не слишком большую сумму.

Тайну чехословацких паспортов Федор Липа, теперь уже майор Вермахта Теодор фон Липпе-Липский, открыл перед самой войной. В потерпевшей поражение Германии порядок, несмотря ни на что, оставался, а вот в новорожденной Чехословакии никаким «орднунгом» даже не пахло. Староста одного из немецких сел в Судетах охотно согласился сделать одолжение бывшему фронтовому командиру. Чешское начальство ничего не заметило.

Поведав об этом занятном случае, Теодор фон Липпе-Липский поправил монокль и коротко хохотнул:

– Всего-то и дел, Родион. Чехи! Как там их Гашек писал? «Das ganze tschechische Volk ist eine Simulantenbande». Und Narren auf den gleichen, ja⁵.

Чехословакия исчезла шесть лет назад. Турецкий паспорт поспел очень вовремя. Ричард Грай без особых проблем приезжал в небольшой город на Атлантическом побережье Африки, уезжал из него, возвращался...

– Вы давно у нас не были, мсье Грай. Гостиницы почти пусты, снимайте любой «люкс». Беженцы давно разъехались, для тех, кто возвращался во Францию, организовали специальный рейс до Марселя. В декабре последние отбыли. Тихий город стал, прямо как в начале века, до первой войны. Так что поезжайте прямо в центр, где цитадель, там наш лучший отель «Южный Риц», вы только скажите шоферу...

– Благодарю. Так и сделаю.

Он приоткрыл дверь, ведущую на маленькую площадь у морского вокзала, вспомнил, сколько стоит такси, мысленно пересчитал франки в кармане пиджака – и внезапно пожалел, что не встретили, не помогли с машиной. Мысль сразу же показалась суетной, даже смешной. Не встретили, потому что не ждали. Всё как всегда – бывший штабс-капитан предпочитал тихо уходить и столь же незаметно возвращаться. Рисковать лучше одному.

Исключения, конечно, случались. Порой приходилось прятать паспорт подальше, в непромокаемый чехол. Вместо пассажирского лайнера – ненадежный катер, под ногами не трап, а неровное песчаное дно.

Ночная темень, огонек фонарика на берегу. Сигнал – короткий, длинный, короткий. Точка, тире, точка...

⁵ «Весь чешский народ – банда симулянтов». И дураков тоже, да (нем.).

Крупный план Севернее Эль-Джадиры *Апрель 1941 года*

– Está tudo bem, – негромко проговорил я, пряча фонарик. – Seu ⁶.

Сидевший у штурвала матрос невозмутимо кивнул:

– Consegui, senhor ⁷.

Берег был уже рядом, в полусотне метров, но ближе не подойдешь – слишком мелко. В часы отлива вода отступает почти к самой горловине бухты. Не очень удобно даже для неприхотливых контрабандистов. Зато и полиция обходит стороной.

Мотор заглушили, и сразу стало невероятно тихо. Я невольно вздрогнул – отвык за эти часы.

– Уже приехали, дядя Рич? – деловито осведомилась &, выглядывая из-под брезентового покрывала. – Или еще поспать можно?

Отвечать я не стал. Не маленькая, сама догадается. Сейчас – вещи. Мой портфель, ее чемоданчик, два больших чемодана системы «мечта оккупанта», еще один, немного поменьше. Хлебнут морской водицы – не беда, все важное, включая документы и деньги, надежно спрятано. Водонепроницаемые чехлы, специально для такого случая, я купил в Фаро, в лавчонке у порта. В стране моряков – вещь из самых нужных.

– Готовься, будем мокнуть.

– Не хочу мокнуть! – донеслось из-под брезента. – Пусть они ближе подплывут!

Пошарив рукой, я нащупал что-то мягкое и мокрое, ухватил, потянул...

– Ну, дядя Рич, за нос не надо!

&, выскользнув из-под брезента, повертела головой, оценивая обстановку, и внезапно зашла в кашле.

– Не намекай, – отмахнулся я. – Как по часу из воды не вылезать, так здоровенькая. А тут всего ничего – до берега прогуляться...

– Так то в бассейне, дядя! А я вправду простудилась, честно-честно!..

На сером песке – три черные фигуры. Одного я узнал сразу. Жан Марселец стоял слева, рядом с кем-то широкоплечим, в странном длиннополом плаще. Можно было идти, но опаска все-таки имелась. Все мы друзья-товарищи, пока речь не пойдет о миллионе долларов. На миг я представил, как Марселец выхватывает парабеллум – левой, откуда-то из-за спины, широко улыбается...

В первый миг вода показалась ледяной, и я заставил себя вспомнить, что сейчас весна, а мы, как ни крути, в Африке. Легче, однако, не стало. Вода доходила даже не до пояса, повыше, ботинки сразу же увязли в песке, но главным было не это, а улыбающееся лицо друга перед глазами. Марселец убивал людей с веселой усмешкой, радуясь. Я как-то не удержался, спросил. Тот смутился, даже обиделся. «Господь с тобой, Рич! Что ты говоришь?»

– Мне прыгать, дядя? – донеслось с катера. – А там очень холодно?

Я поглядел вперед, на три неподвижных черных силуэта. Интересно, я бы мог застрелить Марсельца за миллион? Ответ я уже знал, и этот ответ мне очень сильно не нравился.

– Прыгать не надо, – вздохнул я. – Наклонись.

– Как? Вот так? Ай-й-й-й!.. Дядя Рич, дядя Рич, я вещи не взяла!..

⁶ Все в порядке. Свои (португ.)

⁷ Понял, сеньор. (португ.).

Взвалив на плечо слабо сопротивляющийся тюк, я сделал первый шаг, осторожно нащупывая дно подошвой мокрых ботинок. Оно здесь неровное и опасное: ямы, занесенные песком камни, несколько притопленных лодок, какое-то старое железо. Арабы стараются сюда не заходить, ни по морю, ни сушей. Даже название дали соответствующее – то ли «Песчаная топь», то ли вообще «Погибель».

– У меня там чемодан остался, – пискнуло под ухом. – На катере. А еще у меня голова вниз...

Я едва избежал соблазна чуток приспустить тюк с плеча.

– ...свисает. Это для здоровья вредно!.. А быстрее идти ты не можешь?

Хорошо еще, что свои претензии & предъявляла все-таки шепотом. Воспитательная работа дала результаты.

Одна яма мне все-таки попалась, но я вовремя сумел отдернуть ногу. Трое на берегу по-прежнему не двигались, и я начал понемногу успокаиваться. Была бы засада, ждать бы не стали. К тому же я узнал третьего, того, что стоял справа от дылды в странном плаще...

Двинулись! Марселец и дылда шагнули прямо к воде. Третий, невысокий, напротив, отступил назад.

– Скоро еще, дядя? Почему ты так медленно идешь? – заныли под ухом, и я, дабы не вступать в пререкания, слегка встряхнул груз. Правый ботинок врезался в камень, я помянул его тихим добрым словом...

– Рич, давай помогу!..

Марселец, не удержавшись, зашел по пояс, протянул руки. – Чем это ты нагружился?

– Мешок с отрубями, – сообщил я. – Ничего, я сам.

– Давай, давай!

Жан легко перехватил негромко взвизгнувший груз.

– Я – не отруби! Мсье, не слушайте его, я – не...

...Взял на руки, кивнув в сторону берега, где у самой кромки темной воды топтался неизвестный в плаще:

– Ты, Рич, сначала с ним поговори, ему сейчас уезжать.

Дылда, словно в подтверждение сказанного, махнул длинной ручищей, то ли приветствуя, то ли поторапливая. И тут я узнал плащ – знакомый полицейский дождевик, накинутый поверх светлой летней формы. Итак, «ажан» собственной персоной, хоть и без приметного кепи. Потому и узнать было мудрено. Я оценил всю нелепость происходящего и, хлюпая ботинками, бодро шагнул на мокрый песок.

– Добрый вечер, мсье! С прибытием во Французскую Африку!..

Голос у дылды оказался соответствующий – густой и тяжелый. К голосу прилагалась лошадиная улыбка на все тридцать два крепких зуба. Вид у парня был простой, даже глуповатый, но я не спешил делать выводы.

– Добрый вечер, сержант! Почему не по форме одеты?

Звание я выбрал наобум, но, как выяснилось позже, угадал. Дылда, неуверенно переступив с ноги на ногу, почесал крепкий подбородок, а затем вновь продемонстрировал лошадиный оскал:

– Головной убор снят из соображений конспирации, мсье. Силуэт сразу меняется, да вы и сами, наверное, заметили... Вот, извольте взглянуть!

Вначале я подумал, что мне предлагают оценить помянутый силуэт, но тут на широкой ладони словно сама собой появилась небольшая картонная карточка. Ударил луч фонаря, отгоняя нестойкий вечерний сумрак, и картон засветился ровной белизной, обступившей черный контур Лотарингского креста. Под ним – три цифры размашистым писарским почерком.

– Можете прятать, я увидел.

Цифры совпадали. Их передали по радио шесть часов назад. Конечно, всякое возможно, но «сюрте» и тем более гестапо едва ли прислали бы сюда полицейского. Я достал из кармана плаща свою карточку. Она успела промокнуть, но цифры, выведенные карандашом, разобрать еще можно. Вновь вспыхнул фонарь. Дылда наклонился, беззвучно дернул губами, затем, выпрямившись, выдохнул полной грудью:

– Мой капитан! Сержант Анри Прево прибыл в ваше распоряжение.

– Фамилия же у вас, – не удержался я. – Наследственная?

Сержант недоуменно моргнул, но затем, сообразив, вновь продемонстрировал все свои тридцать два:

– А-а! Нет, те Прево еще при королях были, а я если и наследственный, то фермер. Батюшка мой из Бургундии, из департамента Ньевр, в Алжир переехал, когда землю давать стали. До меня у нас в семье полицейских и не было. Мой капитан, должен вам сказать... Моя любимая женошка родом из Эльзаса, вся ее родня там живет. Все теперь, значит, под немцами, вроде как уже не во Франции. До сих пор не могу поверить! Считаю, всю страну бошам отдали. Даже сюда добрались, порядки свои поганые устанавливают. Это хуже измены, мой капитан! Так что я с вами, можете не сомневаться...

Помолчал, вздохнул угрюмо.

– Вот чего я сказать хотел, чтобы ясность полная была... Да, неделю назад в городе введены ночные пропуска. Я вам оформил, вот, пожалуйста, мой капитан...

Огромная ладонь полезла под плащ. Я поднял руку.

– На будущее! Никаких званий, сержант. Для всех я по-прежнему Ричард Грай, гражданин нейтральной Турции...

В капитаны меня произвел лично де Голль. Не знаю даже, из каких соображений. Вероятно, в документах лондонского штаба «капитан Грай» будет выглядеть убедительней, чем «эмигрант».

– За пропуск спасибо, но мне понадобится также разрешение на оружие. И еще. Вы можете приютить на ночь наглую невоспитанную девушку тринадцати лет? Только имейте в виду, это может быть опасно.

Анри Прево удивленно вздернул брови, явно желая возразить. Я покачал головой.

– Не спешите, сержант. Закон 4 октября, насколько я знаю, действует не только во Франции, но и в колониях. В Алжире гребут всех подряд, не глядя на гражданство. У вас уже, кажется, открылось отделение Комиссариата по делам евреев?

Прево невесело вздохнул:

– Открыли, как же, в январе еще. В Париже, между прочим, новый закон готовят, насчет конфискации еврейских предприятий. Наши уже списки составляют. Вы не волнуйтесь, моя женошка – человек правильный, и соседи тоже правильные... Но лучше все-таки новый документ для маленькой мадемуазель выправить. Надежней будет.

* * *

Спорить не приходилось. Добрые французы, без боя сдавшие Париж исконному врагу, охотно, даже с некоторым азартом занялись охотой на своих же земляков с иной формой носа. Отмена еврейского равноправия, когда-то введенного Третьей Республикой, вызвала всеобщий восторг. Труссы и подлецы всегда жестоки.

Соппротивление же, несмотря на оптимистические репортажи лондонского радио, рождалось с немалым трудом. Человек, вручивший мне карточку с черным крестом, посоветовал, что эмигранта куда проще привлечь к работе, чем коренного француза. Потому и доверились мне, личности с точки зрения закона весьма подозрительной. У де Голля и его людей выбор был слишком невелик.

Тот же человек, специальный представитель из Лондона, предостерег от излишней активности. Горячие головы во Франции начали организовывать диверсии, взрывать бомбы и даже убивать оккупантов. В ответ боши расстреливают заложников, по полсотни за каждого, по сотне. Гибнут невинные люди.

Я не стал возражать, хотя мысленно был полностью на стороне этих горячих голов. Пусть жирная трусливая сволочь на собственной шкуре почувствует, каково это – умирать! Авось, осмелеет от страха.

Да и с чего мне жалеть французов? В годы Смуты лягушатники не стали помогать России. Теперь беда пришла в их собственный дом. Мера за меру!

– Значит, это она, – негромко бросил Марселец, передавая мне фляжку. – Девочка по имени Мадемуазель Миллион.

Я приложился, глотнул, резко выдохнул. Предупреждать надо! С другой стороны, что может таскать с собой парень из Марселя? Само собой, ядреную граппу. Коньяк пьют «аристо».

– Она...

Не удержавшись, занюхал рукавом, по древней студенческой привычке. Марселец, заметив, хохотнул.

– Слабо? А как же русская водка из самовара? Рич, ты бы ботинки передел, а заодно и брюки. Лечи тебя потом, никаких лекарств не хватит.

Время поболтать – о пустяках и не только – у нас было. Крепкие ребята, поджидавшие за ближайшим холмом, уже успели сходить к катеру и забрать вещи. Большой чемодан я оставил при себе, маленький отдал &, остальное было уложено в багажники поджидавших нас авто. Бравый сержант, торопившийся к началу дежурства, отбыл вместе с &, а мы с Жаном устроились на полусгнивших скамейках давно брошенной лодки. Ночь, не по-весеннему холодная, вступала в свои права, и граппа, оказавшаяся во фляге запасливого Марсельца, пришлась очень к месту.

Третий из встречавших отказался составить нам компанию. Стоял в сторонке, курил, разглядывал звездное небо.

Молчал.

– Расскажешь, что и как?

Жан, сев поудобнее, бросил взгляд на черный силуэт Третьего.

– Неудобно как-то. Мы тут, можно сказать, пируем, а он скучает. Станный, между прочим, парень! Если бы ты заранее не предупредил, я бы его и близко не подпустил... Ладно, что там с девочкой?

Глотнул из фляги, взглянул выжидательно.

– С девочкой все хорошо, – сообщил я. – Характером – чистая змея, но ладить можно... С остальным же просто. У всего есть хозяева, даже у этой лодки. А представь себе открытие, на котором можно заработать миллионы! Долларов – не франков. К тому же сейчас идет война. То, что сделал ее отец, нужно всем, причем именно сегодня, а не через год или два. Если эта юная особа попадет к нынешним французским властям, те немедленно предъявят претензии. Правительство Виши сейчас не слишком авторитетно, но к делу обязательно подключатся немцы. А это уже серьезно.

– У твоего ученого есть другие наследники? – осторожно поинтересовался Марселец. – Рич, я понимаю, что лезу не в свои дела, но пойми и меня. Я обычный «деловой». Возить контрабанду и стричь жирных буржуа – это мое. А тут политика, война...

Я пожал плечами.

– Думаешь отсидеться в глуши? Попробуй... Но учти, мы с тобой знакомы не первый год, и это известно слишком многим. Если вычислят меня, то и до тебя доберутся. К тому

же деньги... Столько ты никогда и нигде не заработаешь. Как говаривал в старину один грек: «Война – отец всего».

– Так я не против, – Жан поморщился, словно от боли. – Думаешь, мне по душе то, что сейчас у нас во Франции творится? Но мы же с тобой не просто контрабанду возим!

– Не просто...

Я прикинул, какую часть правды можно открыть моему давнему партнеру. Жан и так знает слишком много. Но это с одной стороны. Была и другая, куда более перспективная – это «много» знает только он один.

– У Марка, у этого ученого, конечно же, найдутся наследники. Но он написал завещание, где все оформил на дочь. Завещание официально зарегистрировано, копия хранится в Швейцарии. Есть еще один документ, тоже составленный и заверенный по всем правилам. Мы с Марком оформили партнерство, как совладельцы, в случае успеха доходы делятся пополам. Поэтому я смог вполне легально договориться о производстве и продаже. Это можно оспорить, но только если девочка попадет к властям Виши. В Лиссабоне к ней уже стали присматриваться, поэтому я привез ее сюда... А теперь, когда я все тебе рассказал, Жан, ты сначала осознаешь, а потом забудешь, причем навсегда.

Что ответит мой давний приятель, было уже не так важно. Конечно же, он ничего не забудет, но откровенничать ни с кем не станет. Поделиться тайной – значит поделиться деньгами.

Наивный Жан! Даже за миллион долларов я не позволю убить своего друга. Из-за денег – конечно же, нет...

Затемнение Севернее Эль-Джадиры *Апрель 1941 года*

– Здравствуйте, Арнольд. Извините, что заставил ждать. Но вы же сами видите. Бизнес, бизнес...

– Не только вижу. Я предупреждал вас, Ричард, – у меня очень хороший слух. Все-таки потомственный музыкант в третьем колене. Да, неплохая ячейка Сопротивления – бандит, полицейский и два эмигранта. Хочу сразу предупредить: пока вас не было, здешняя полиция прямо-таки озверела. Облавы чуть не каждый день, готовится депортация первой партии арестованных. У их шефа появился новый заместитель – некий Даниэль Прюдом, по слухам – редкая сволочь.

– Ого, готовый персонаж. Помните, у Бодлера есть стихотворение?

– Нет, Ричард, не помню. Это вы – поклонник французской литературы. Признаюсь честно, французов не люблю. Скажу больше. Многие считают, что война с нацистами – это борьба Добра и Зла. Гитлер – абсолютное Зло, согласен. Но кто на стороне Добра? Англичане? Или если в войну вступит ваш Сталин, что-нибудь изменится? Мне кажется, что со Злом сейчас борется другое Зло, лишь чуть менее отвратное.

– Да, с силами Добра проблема. Но так, по-моему, проще, никакого Сердечного Согласия, один голый расчет. Зато у нас стало лучше с боеприпасами. Знаете, что такое оружие массового поражения?

– Вы имеете в виду боевые газы?

– Нет. Главное оружие на всякой войне – деньги. А оружие массового поражения – это большие деньги. Средство действенное, смертоносное, но, увы, очень опасное, как и боевые газы. Вдохнешь ненароком, поразишься – и не доживешь до победы.

– Моя группа готова. Три человека здесь, еще четверо в Касабланке. Все – эмигранты, у всех личные счета с нацистами, так что не подведем. Жду распоряжений!

– Для начала ваша группа, Арнольд, получит название. Вы будете отделением «Зет».

– Последняя буква алфавита?

– Нет, от русского слова «zagradotryad». Потом объясню, что это значит.

Общий план Эль-Джадира Январь 1945 года

Номер был двухместный, но вторая кровать пустовала. Судя по болтовне скучающего портъе, гости ожидались не скоро, разве что через неделю, когда придут какие-то парижские шишки. И придут ли? Начальство сейчас в Касабланке, и военные там, и иностранцы. Эль-Джадира – город маленький, всё, что есть – порт, да и тот почти пустует.

Война, мсье, война!

Гостиница казалась необычно тихой – по крайней мере, для него, покинувшего город в 1943-м. Тогда все номера были заняты, у стойки регистрации томились опоздавшие, из открытой двери ресторана гремел оркестр, девицы в грубом макияже несли бессменную вахту на всех пристрелянных точках. Одну, впрочем, он и сейчас встретил – не слишком юную мулатку, полировавшую ногти в мягком кресле у столика, где заполняли документы. Девица без особого интереса взглянула на нового постояльца и скривила накрашенные губы, сообразив, что поживы не ожидается. Ресторан же не работал. Портъе, проследив взгляд, брошенный в сторону закрытой двери, развел руками. Ремонт, мсье! Но бар скоро откроется, и если мсье желает...

Эта странная тишина заставила окончательно поверить в новую, непривычную реальность. Ричард Грай и в самом деле вернулся на пепелище, где уже успели разобрать руины, прибраться и даже затеяли ремонт.

Сонный коридорный, получив благодарность в натуральной хрустящей форме, на миг воспрянул духом и зачастил скороговоркой. Бывший штабс-капитан отмахнулся, но потом, подумав, попросил принести бутылку коньяка. На это ушли последние деньги, но позднего гостя данное обстоятельство несколько не беспокоило. Когда коньяк в сопровождении двух пузатых хрустальных рюмок занял законное место на столе, а коридорный неслышно закрыл за собою дверь, новый постоялец подошел к зеркалу. Смотреть не хотелось, но он все-таки, пересилив себя, взглянул. Удивился, вновь кинул взгляд на своего безмолвного двойника. Черный человек по другую сторону тонкой амальгамы выглядел подозрительно молодо, словно и не было нескольких последних лет. Человек снял шляпу, провел ладонью по волосам, не поверил, приблизил лицо к стеклу.

Еле заметно шевельнулись губы:

– «Черный человек! Ты прескверный гость...»

С висков исчезла седина, разгладилась морщина на лбу, со щеки пропал старый шрам, полученный еще в 1919-м. На миг подумалось, что Черный человек в зеркале – не слишком удачно слепленный гомункул из реторты провинциального алхимика. У заказчика не оказалось хорошей фотографии, пришлось брать старую, с густой ретушью.

Стараясь не испугаться, Ричард Грай снял плащ, аккуратно повесил в шкаф при двери, затем принялся расстегивать пуговицы пиджака. Не торопился, нарочно тянул время.

Рубашка...

Пальцы скользнули по коже, замерли. Странно, что об этом не подумалось сразу, еще на корабле, когда он пытался понять, как и почему вернулся в мир. Люди не всегда гибнут на войне, не всегда умирают от ран, даже если по ним стреляют в упор, не жалея патронов. Порой они возвращаются, но...

«Zerstöre den Abschaum, Hans!..»⁸

⁸ Добей эту сволочь, Ганс! (нем.).

Шрамов не было. Гладкая ровная кожа – чужая, из реторты. Сколько было пуль? Он успел почувствовать три, задохнуться от боли, в последний раз открыть глаза...

«Zählebig!»⁹

Потом, вероятно, была четвертая, последняя, но Ричард Грай ее не помнил. Следовало проверить еще один шрам – на правом плече, старый, почти исчезнувший, но бывший штабс-капитан этого делать не стал. Прошел к креслу, бросил на стол коробку папирос, с силой провел ладонью по затылку. Рука потянулась к коньячной бутылке. Замерла. Легче все равно не будет.

Он выключил свет, оставив лишь маленькое бра над кроватью, сел в кресло и вытянул ноги, жалея, что не догадался снять ботинки. Затем зажег папиросу и, резко затянувшись, поморщился, едва сдерживая кашель. Почему-то подумалось, что приговоренных к смерти лечат – и только потом убивают, уже при полном здравии. Пустая гостиница внезапно показалась ловушкой, гигантской мышеловкой.

– Прорвемся...

Он заставил себя думать о другом, пусть и не столь важном. Опустел не только отель, но и весь город. До войны Эль-Джадира считалась тихим местом. В начале века французы начали строить военный порт, потом бросили, и корабли-стационары ушли в Касабланку. После Первой мировой в городе, если не считать местных арабов и берберов, оставались только рыбаки и немногочисленные пенсионеры-рантье, привлеченные здешней дешевизной. Потом сюда добрались несколько эмигрантских семей из России, а в середине двадцатых вновь ожил порт. Тогда-то и попал в Эль-Джадиру Жан Марселец – соблазнился заработком, очень неплохим, если сравнивать с метрополией. Но город все равно оставался незаметной тенью шумной Касабланки. Когда Ричард Грай, подданный Государства Алеппо, решил приобрести дом, покупка обошлась в смешную сумму. Ненамного дороже стояла аптека в самом центре, рядом с цитаделью. Марселец, когда они познакомились, был уверен, что в такой глубинке серьезные дела не делаются. Парень мечтал о славе Аль Капоне, собираясь перебраться в Касабланку, а то и вообще за океан. Даже когда немцы напали на Польшу, война не воспринималась здесь всерьез. Слишком она далеко, за пустыней, за океанскими волнами.

Первые беженцы из Европы поселились в отеле «Южный Риц» под новый, 1940-й год.

Весной 1943 года Ричард Грай купил в билет в кинотеатр «Эрколь», где крутили «Касабланку» с Богартом и Бергман. Он шел на сеанс, прекрасно зная, что увидит. Хотел просто вспомнить, отдохнуть. «Play it again, Sam!» Зал был полон, люди смотрели, затаив дыхание, но бывший штабс-капитан вдруг понял, что фильм ему совершенно не нравится. Поразила, принялся всматриваться, вслушиваться в каждую реплику, в каждое слово. Это была какая-то другая «Касабланка» – не та, что в давние годы он видел на экране монитора. Хэмфри Богарт, как и полагалось, курил сигарету и хмурил брови, Ингрид Бергман демонстрировала левый профиль, пропущенный через рассеивающий фильтр... Однако Ричард Грай замечал совсем иное. Его не смущали картонные декорации и неудачно подобранные костюмы. Это всего лишь кино, где актеру приходится становиться на табурет, чтобы взглянуть партнерше в глаза.

Просто все было не так. Совсем не так.

Ложь он почувствовал в первые же секунды, слушая суровую речь диктора, повествующего о великом Исходе из оккупированной Европы. Тысячи беглецов через Марсель и североафриканские порты стремились в вожделенный Лиссабон, дабы попасть на корабль, идущий в землю Свободы. Иной цели у страждущих не было и быть не могло. Единственное препятствие, страшное и непреодолимое – отсутствие транзитных виз. О, эти визы – в белом конверте, спрятанные под крышкой рояля...

Америка, Америка! Голливуд, Голливуд...

⁹ Живучий! (нем.)

Ричард Грай и сам прошел весь долгий путь – от замершего в ожидании врага Парижа до африканских песков. Из французской столицы уходили и уезжали тысячи, но до моря добрались не все. Бензин кончился, иссякали силы, к тому же немцы все-таки остановились, оставив побежденным клочок свободной земли. Уезжать из страны решились немногие, слишком напуганные – или твердо знающие, что оставаться нельзя. Почти все были эмигрантами, искавшими убежище в Belle France и теперь принужденные к новому бегству. Но корабли из Марселя ходили редко – на море тоже была война, Испания наглухо закрыла границу, французские же власти, быстро опомнившись, начали аресты, сотнями отправляя «подозрительных иностранцев» за колючую проволоку.

Тот, кто все-таки добрался до Касабланки, уже не думал ни о какой Америке. Куда важнее было не умереть от голода и начавшихся эпидемий. Тогда-то в Эль-Джадиру и прибыли первые гости. Здесь, в старом тихом городе, было спокойнее и сытнее.

Запас лекарств в аптеках исчез через неделю. Жан Марселец достал бумажник и выложил на стол проспоренный франк.

Все прочее в фильме тоже годилось лишь для Голливуда. Бесстрашные подпольщики-антифашисты дружными стаями бороздили экран, и у каждого непременно имелась заветная карточка с Лотарингским крестом. Немец-злодей, отчего-то в форме Люфтваффе, мог лишь сердито каркать и размахивать худыми руками.

Ричард Грай невольно улыбнулся. Настоящее подполье, что в Эль-Джадире, что в Касабланке, вело себя куда как смиренно. Лишь некоторые энтузиасты, проявив прыть, решили отличиться. Поводом стала обычная скрепка для бумаг, цепляемая на лацкан пиджака или на воротник платья. Этот скромный знак должен был символизировать протест и решимость бороться с врагом. Моду ввели норвежцы – на их далекой родине скрепка стала непременной принадлежностью каждого патриота.

Пару дней в канцелярских магазинах царило оживление, молодые люди цепляли «знак Свободы» и ходили по улицам с задранными носами. А потом прошла первая облава. Изловленных «скрепочников» по доброй французской традиции «пропустили через табак», не жалея каблуков и дубинок. Тех же, кто пытался возмущаться, вывезли за город и выбросили посреди пустыни.

«Сюрте», службы не забыв, быстро на вербовала агентуру среди беспомощных и беззащитных беженцев. Местные французы предпочитали ни во что не вмешиваться, арабы же посчитали беглецов своей законной добычей. Сперва наркотики, затем покупка за бесценок белых рабынь...

Немцы тоже не дремали, прислав своих «наблюдателей». Те, что разместились в порту, носили штатское, остальные щеголяли в мундирах. Вскоре выезд из города был запрещен, даже в Касабланку требовался пропуск. Несколько нарушителей из числа эмигрантов задержали и куда-то увезли. А потом начались аресты евреев.

Ричард Грай честно досмотрел фильм до конца. На экране была красивая сказка. Он пожалел, что пришел в кино.

Крупный план Эль-Джадира Май 1942 года

– А если и меня арестуют? – негромко спросила &. – Ты меня сможешь спасти?

Проще всего было ответить «конечно», но лгать не хотелось. Я задумался, прикинув варианты.

– Пожалуй, да. Но при одном условии – ты будешь молчать.

– Ты мне не веришь? Дядя Рич, ты мне не веришь? Я им о тебе ничего не скажу, пусть даже меня режут!..

Обиделась! Я поглядел в горячее весеннее небо, закусил мятый папиросный мундштук. Закурить бы, но нельзя. Дети рядом!

– Не обо мне. Ты не должна отвечать на вопросы – ни на какие. Имя и фамилию тоже не называй. Падай в обморок, лай по-собачьи, а лучше просто молчи, даже если тебя станут лупить. Тогда у меня будет несколько лишних часов.

– А-а-а-а!..

Мы стояли возле моей калитки, в портфеле у & лежали только что взятые книги, включая весьма сомнительную «Мадам Бовари» мсье Флобера. Самое время возвращаться в пансион, но я медлил. Вчера арестовали одну из девочек-пансионерок. Виноват был отец, умудрившийся прилюдно, при десятке свидетелей, от души обругать маршала Петена. Дурака задержали, взглянули на паспорт, сверили со списком разыскиваемых. А потом пришли за дочерью. Папаша оказался известным анархистом, скрывавшимся от ареста еще с 1939-го, а девочка попала под одну из статей Закона от 4 октября. Анархист-недоумок был коренным французом, но жена, еврейка, бежавшая из Германии, согласно «Статуту о евреях» подлежала «изоляции», равно как и дочь, этим Статутом француженкой не признаваемая.

Я поглядел на &, попытавшись представить, как это недоразумение выглядит со стороны. На первый взгляд ничего криминального. Худая, нескладная, длинноносая, длинноногая, лицом – точно не парижанка, но и не еврейка. По документам – беженка из Нима. Марселец уверял, что у них на юге, в благословенном Провансе, таких «лолиток», смуглых и носатых, двенадцать на дюжину. Стрижка короткая, берет надвинут на левое ухо, платье старое, не слишком приметное. А вот говор парижский, не спутаешь. Хорошо хоть не картавит!

– Пошли, – вздохнул я, запирая калитку и пряча ключи. – Ты, главное, в пансионе не откровенничай. Знаем мы эти девичьи тайны!..

&, возмущенно фыркнув, отошла на шаг, обернулась.

– А ничего у тебя домик, дядя Рич. Маленький только. Ты своих женщин сюда водишь или, как мой папа, по гостиницам больше?

На физиономии – сплошной naïve, словно у дадаистов, взгляд невинный, почти младенческий. Ладно, каков вопрос, таков и ответ.

– Ни то, ни это. В гостиницах – чужие глаза и, вообще, неудобно. А в свой дом потенциальных предателей я не пускаю.

С папой, равно как и с мамашей, ей точно не повезло. Марк, не тем будь помянут, гулякой слыл первостатейным. После очередного скандала супруга подала на развод, оставив мужу двухлетнюю дочь в качестве сувенира.

– Пошли!

– А... Потенциальный – это возможный? Или обязательный?

На большее & не сподобилась, только носом засопела. Пристроив портфель в руке, зашагала рядом. Я прикинул, что чужих глаз хватает и здесь, на моей тихой улочке. Ставни закрыты,

калитки заперты, но кто их знает, этих сознательных французских граждан? Когда десять лет назад я начал подыскивать жилье, можно было купить нечто куда более основательное, чуть ли не с колоннами при входе и фонтаном во дворе. Подобного в центре города, даже у самой цитадели, хватало, Великая депрессия докатилась и до патриархальных африканских краев. Но вся эта роскошь мне совершенно не требовалась. Жить здесь я собирался наездами, а сама покупка затевалась ради обзаведения пресловутой «собственностью». Строгие французские законы смягчали, словно воск на огне, при упоминании *propriété*¹⁰, а особенно *biens immeubles*¹¹. Тогда-то я и обратил внимание на горку, где селились отставные моряки. Тихие улицы, дома из ракушечника, желтые черепичные крыши, садики за невысокими заборами.

Теперь недвижимость пригодилась. По крайней мере, можно не вдыхать надоевшую гостиничную пыль.

С соседями же по улице я если и познакомился, то исключительно вприглядку, по крайней мере, с большинством. И теперь без особого восторга прикидывал, насколько бдительны эти скучающие старички. Иностранец – фигура заведомо подозрительная...

– Дядя Рич! Тебя зовут, дядя...

От усердия & дернула меня за руку так, словно желала вправить вывих. Невольно поморщившись, я оглянулся, хотел спросить «кто?»

– Родион Андреевич!..

Третий дом от моего, такой же известняковый и черепичный, даже калитка похожа. Густая зелень за приземистым забором, острый штырь радиоантенны – и худой старик в старом костюме с яркой розеткой на лацкане.

– Подождешь? – я покосился на &. – Или вместе подойдем?

Девушка недовольно оттопырила нижнюю губу.

– Конечно, вместе. Ты так и мечтаешь меня одну где-нибудь оставить! Только ты с этим дедушкой по-французски разговаривай, а то скучно.

Последнее было весьма затруднительно. Язык метрополии мой сосед знал скверно. Читать – читал, но общаться предпочитал на родном.

Я подошел ближе, и ровно за три шага ударил строевым. Остановился, бросил руки по швам, замер.

«Смирно!»

– Здравия желаю, ваше превосходительство!..

– Здравствуйтесь, мсье! – на этот раз голос & звучал не в пример скромнее, чем прежде.

Старика она побаивалась.

На загорелом, покрытом сеточкой морщин лице яркие молодые глаза. Брови – темный перец, на голове и на висках – морская соль.

– И вам здравствовать, маленькая мадемуазель!

Сосед, ловко связав непослушные французские слова, довольно улыбнулся. Затем поглядел на меня.

– Охота вам, голубчик мой, шутки строить, причем каждый раз одни и те же! Отменили «превосходительств» еще при благоверном Временном правительстве, чему мы с вами оба – печальные свидетели... Добрый день, дражайший Родион Андреевич. Извольте принять положение «вольно» и прекратить глумление... Пригласил бы к себе – чайку откусать, так вижу, заняты. Как я понимаю, юницу прогуливали да уму-разуму учили? Дело нужное, в здешних пансионах всё больше попы латинские девиц наставляют, ровно во времена Вольтеровы.

& дернула бровями, и я поспешил перевести. «Юница» согласно кивнула.

¹⁰ Собственности (франц.).

¹¹ Недвижимости (франц.).

– А еще в церкви петь заставляют, даже если горло болит. А Бог, между прочим, мир, конечно, сотворил, но после этого ни во что не вмешивается, только наблюдает. Мы для Него этот... эксперимент.

Я перевел, постаравшись передать слово в слово. Покойный Марк был убежденным действом, особенно после пары рюмок коньяка.

Услыхав про эксперимент, старик лишь печально вздохнул. Затем поглядел на меня.

– Прервал я вашу прогулку, голубчик мой, по очевидной надобности, вам хорошо ведомой. Трудно вас дома застать, да и в городе не разыщешь. А между тем...

Он поглядел на &, на миг задумался, качнул седой головой.

– Невместно выходит. Мы с вами, Родион Андреевич, беседу ведем, а юнице и непонятно. Но сие в данный момент к лучшему. Родион Андреевич! Хоть и не дал Господь на старости богатства, однако же собрал я некую лепту. Должен я вам, и немало должен. Сразу не отдам, но...

– Не надо! – прервал я. – Александр Капитонович, не обижайте!

– Молодой человек!..

Глаза потемнели, загустел голос. Ладонь & в моей руке еле заметно дернулась.

– Негоже, голубчик мой, перебивать старшего и по званию, и по возрасту. Не нищеврод я, Родион Андреевич, не лаццарони италийский, чтобы Христа ради небо коптить. Должен вам – и отдам.

Старик был горд. То небольшое, что у него оставалось, было потрачено на лечение разбитой параличом жены. Помочь некому, русских в Эль-Джадире мало, почти все – такие же бедняки. Его Превосходительству, кавалеру Почетного Легиона, можно сказать, повезло, какая-никакая, а пенсия. Но этих копеек не хватало, и старик уже всерьез подумывал продать дом.

Я, конечно, подсобил – с медикаментами, с сиделкой, затем и с похоронами. А потом началась война, и мой сосед заболел сам. Лекарства же теперь стоили не в пример прежнему. К счастью, моя аптека все еще оставалась «*la propriété privée*»¹².

– И не в вас только дело, – старик многозначительно кашлянул. – Или неведомо мне, что не на мамзелей, не на вина с разносолами доходы свои тратите? И моя лепта в том лишней не станет!

Оглянувшись, он выразительно кивнул в сторону антенны.

Усмехнулся.

Его Превосходительство, бывший контр-адмирал бывшего Российского Императорского флота, был умен и не по-стариковски глазаст. Осенью 1941-го, когда я в очередной раз вернулся на эту тихую улицу, он нагрянул с визитом, дабы попроситься в «инсургенты». Был не прочь заняться диверсиями на заходивших в порт немецких кораблях, но соглашался и на иную, не столь героическую работу.

Спорить с Александром Капитоновичем было себе дороже. Я купил старику ламповый радиоприемник «Excelsior», установил на доме антенну и усадил Его Превосходительство записывать сводки Совинформбюро, а заодно и новости ВВС. Английским, в отличие от языка метрополии, контр-адмирал владел отменно. Затем последовало нечто более серьезное, и мой сосед ни разу меня не подвел.

Долг же регулярно порывался отдать. К счастью, он не знал, сколько на самом деле стоили приносимые мною лекарства.

Да, представитель Лондонского центра оказался прав. Эмигранты, нищие и бесправные, были готовы бороться и рисковать. Господа же французы всё еще думали отсидеться и перетерпеть. Когда-то Бакунин ради поднятия революционных настроений предлагал высечь кре-

¹² Частной собственностью (франц.).

стыян целой губернии, дабы озверели до нужного градуса. А чем пронять этих? Подсказать немцам, чтобы для почина расстреляли каждого десятого?

А хорошо бы...

– Ладно, Ваше Превосходительство, если вы изволите настаивать...

Я поглядел на непривычно тихую &. Понимать, конечно, она не понимала, но явно что-то чувствовала, ловя интонации.

– Заявляю при свидетеле. Извольте отдать числящийся за вами долг, весь до последнего сантима, ровно... Ровно через десять дней после взятия русскими войсками Берлина. Я понятно выразился?

– Более чем! – адмирал принял вызов. – Думаете, не доживу, голубчик мой? Нет-с, ради такого дела сам себя из гроба вытащу. Значит, где-то через год?

Хотелось назвать дату – ту самую, настоящую. День, когда в моем родном городе расцвела сирень. Сдержался, руками развел.

– Это уж как рассудит Русский Марс. Доживете, понятно. С кого же тогда стану долг требовать?

Старик, облегченно вздохнув, поглядел прямо в глаза.

– Значит, верите? Все-таки верите, пусть немец уже к самому Дону подходит? И правильно!

Резко обернувшись, провел ладонью по лицу. Выдохнул.

– А наши-то... Что здесь, что в Касабланке... Совсем духом ослабели, победу тевтонам предрекают. Да они-то ладно, старичье бессильное, вроде меня. Дружок-то ваш!..

Худые пальцы выдернули из кармана пиджака сложенную вчетверо газету. Зашелестели мятые страницы. «*Matin du Sud*», вчерашняя.

– Вот! Да кто же он после этого?

Можно не смотреть. «Русская колонка», профессор Мадридского университета Лео Гершинин.

– Дядя Рич! – решила напомнить о себе &. – Что-то случилось?

– Ах, да, – спохватился я, разглаживая нужную страницу. – Как бы тебе объяснить... У меня есть знакомый – еще с той, прошлой войны. Он хороший человек, и лицо у него доброе, но слишком любит много и вкусно кушать. А чтобы заработать деньги, ему приходится регулярно выходить на панель...

Контр-адмирал предостерегающе кашлянул, однако я рассудил, что «юница» уже достаточно взрослая.

– Сначала он писал стихи о Белой армии, потом пропагандировал успехи сталинских пятилеток. Когда что-то не срослось, переметнулся к троцкистам, стал воспевать Четвертый Интернационал и перманентную революцию. Кого он славит сейчас, догадайся сама.

– А-а-а! – & дернула длинным носом. – Так он газетчик, который бошам продался? Ты сказал «панель», и я подумала, что твой знакомый...

На этот раз мы кашлянули в унисон. «Юница» потупила взор.

– *Malheureusement, il est temps*¹³, – я протянул старику руку, улыбнулся и негромко добавил по-русски:

– Катер будет нужен ночью.

– Будьте покойны, не подведу. *Tous les meilleur, monsieurrs Gray!*¹⁴

Уже в конце улицы я обернулся. У калитки было пусто.

– Это твой командир, дядя? – негромко спросила &. – Строгий, не то, что ты!

¹³ К сожалению, нам пора (франц.).

¹⁴ Всего наилучшего, господин Грай! (франц.).

Я поглядел на желтую черепичную крышу, на садик за каменной оградой. Лекарство и хороший врач могут сделать многое, но не всё. Александр Капитонович рассчитывает еще на год. И хорошо, что так.

– Нет, не командир. Он – моя совесть.

Общий план Эль-Джадира *Январь 1945 года*

Он взял со стола пустую рюмку, взвесил на ладони. Отставил, закусил зубами мундштук папиросы. Пусто, тихо... Пепелище... Бывший штабс-капитан повторил это слово несколько раз, будто пробуя на вкус, затем попытался перевести на французский. «Les cendres» – нет, не звучит, слишком напыщенно, по-декадентски. Надо иначе, не cendres – cimetièrre. Так будет точнее и правильней.

Кладбище...

Негромко щелкнула зажигалка. Ричард Грай закурил, не чувствуя ни вкуса, ни крепости. Поглядел на дверь. Ночь, пустой коридор, пустая гостиница... Без оружия он всегда чувствовал себя незащищенным, голым, но теперь страх куда-то ушел. Бояться некого, в этом городе – на этом кладбище – он уже никому не нужен. Ни друзей, ни врагов. Никто не станет красться по коридору, сжимая в руке пистолет, караулить у входа, разглядывать окно сквозь прицел снайперской винтовки. Живые люди заняты своими делами, какое им дело до тени среди надгробий?

Александр Капитонович, Его Превосходительство, продержался свой год и умер в ноябре 1943-го, в очередную годовщину большевистского переворота. Победу не увидел, но успел узнать о Сталинграде и Курске. Жан Марселец исчез в августе того же 1943-го. Собирался в Касабланку – и не доехал. Искали – и на земле, и в море...

Остальные... Стоит ли вспоминать? Колокол прозвонил для всех.

Бывший штабс-капитан вспомнил старый рассказ, читанный бездну времени назад. В памяти осталось немного: селение в Карпатских горах, хмурый бородач, собирающийся в смертельно опасный поход и дающий последний наказ – ждать его только до вечернего колокола. Если же придет позже, то убить без жалости, не размышляя, ибо вернется уже не он...

Колокол давно прозвонил. Он вернулся. Вернулся – не он.

Пустая рюмка вновь легла на ладонь, хрусталь согрелся, прильнул к пальцам. Человек потянулся к бутылке, но, пересилив себя, достал новую папиросу. Хрусталь негромко ударил по столешнице. Нет, один пить не будет, подождет. За дверью тихо, коридор пуст, забывший его город спит, но что-то должно произойти. Мир, в котором Ричард Грай прожил последние четверть века, был рационален до скуки и столь же логичен. Людям, его обитателям, полагалась рождаться, делать глупости и умирать. Несколько пуль в упор из магазинного карабина Mauser 98k – вполне достаточный повод. В серо-черном мире нет места бразильскому кораблю «Текора», его вечерним пассажирам, как и ему самому, нынешнему. Но случившееся – тоже реальность, значит, кладбище не пустое, тишина за дверью обманчива, и он не напрасно ждет, вынимая из коробки одну папиросу за другой.

Тишина обволакивала, лишала сил, точно бездонный омут. На малый миг он сумел вынырнуть, хлебнуть свежего живого воздуха, уцепиться взглядом за неясный контур потерянной реальности. И теперь его влекло обратно, в безмолвие, в безвидность. Тишина казалась гладкой и скользкой, не уцепишься, не ухватишь. Тихо, тихо... Колокол уже отзвонил, эхо замерло, последние отзвуки растворились в бесконечном пространстве.

Бывший штабс-капитан, отогнав наваждение, прикрыл веки и представил себе черный экран монитора. Enter! Тьма исчезла, сменившись сверкающим серебристым соцветием Мультиверса – бесконечной Вселенной Эверетта¹⁵. Простенькая трехмерная модель, грубый эскиз.

¹⁵ Хью Эверетт – американский физик, создавший науку эвереттики.

Древо миров пульсировало, бесшумно выбрасывая новые отростки, разрасталось, заполняло все видимое пространство. Всего лишь несколько мгновений бесконечной вечно длящейся жизни...

Немудреную програмку написал его хороший знакомый, попытавшийся изобразить мир за пределами привычных измерений. Получилось красиво, но не слишком убедительно. В Эвереттовой реальности, если она действительно существует, Древо миров ветвится с непредставимой скоростью, число ветвей-вариантов невозможно ни отобразить, ни представить. И все-таки движущаяся картинка ему нравилась. Бесконечность представлялась зримой и доступной, достаточно подвести послушную «мышку» к нужной «ветке» и слегка нажать на правую клавишу. Или просто протянуть руку. Возможно, именно так смотрели шкиперы, современники Колумба, на тщательно вычерченные карты мира с загадочной Землей Семи Островов и бескрайним Южным материком. Вот они, рядом, только коснись пальцем!..

Видение ушло, вновь сменившись угольной чернотой. Мир, в котором довелось жить, стал казаться гигантским черным терриконом, погребальным курганом. Где-то там, за десятками метров тяжелой дымящейся породы – сверкающее небо с серебристым Древом миров. Не увидеть, не дотянуться, даже рукой не шевельнуть. Вспомнились собственные слова о том, что практическая эвереттика¹⁶ – самая безопасная из экспериментальных наук. Всего лишь сон. Что может случиться с человеком во сне? Теперь, под тяжестью черного террикона, он узнал ответ. Да, сон – это всего лишь сон, даже если он неотличим от реальности. Но сон бывает и вечным.

Все-таки он задремал, прямо в кресле, склонив голову набок и чуть приоткрыв рот. Комнату бывший штабс-капитан по-прежнему видел, но стены отступили куда-то вдаль, исчез потолок, сменившись густым белым туманом. Зато появился коридор – длинная черная штольня, освещенная шахтерскими лампами. Неровный желтый огонь, густые тени.

Шаги!

Сначала еле различимые, где-то у края реальности, похожие на отзвук весенней капли, затем громкие, гулкие, бившие тяжелым безжалостным молотом. Он попытался разглядеть того, кто шел к нему из самых глубин мира, но коридор-штольня был по-прежнему пуст. Лишь тени сгустились, и лампы-«коногонки», теряя свет, начали гаснуть одна за другой.

Шаги, шаги... Ближе, ближе, ближе.

В дверь постучали. Три удара – несмелых, даже робких. Все еще не проснувшись, Ричард Грай удивился и даже был слегка разочарован. Так не стучится Командор, так не стучится Судьба. Им незачем смущенно прикасаться костяшками к крашеному дереву.

Тук... тук... тук...

Бывший штабс-капитан открыл глаза, провел ладонью по лицу, попытавшись сообразить, куда положил пистолет. Успел удивиться, окинуть взглядом незнакомую комнату...

– Рич! Ты здесь, Рич?

...Наконец он вспомнил все – и вновь удивился. Он ждал Судьбу, Командора, Хозяина этого мира – или хотя бы их вестника. В дверях же стоял невысокий круглолицый человек в светлом костюме, с плащом, переброшенным через левую руку, и тяжелым портфелем в правой. Черные вьющиеся волосы выбивались из-под шляпы, темные испуганные глаза смотрели куда-то в сторону, на левом ботинке развязался шнурок. Поздний гость выглядел настолько неуверенным, даже жалким, что, казалось, он, пробормотав невнятные извинения, сейчас попятится обратно в коридор, исчезнет, растворившись в неясном сумраке.

– Здравствуй, Деметриос! Как видишь, я здесь. Заходи!..

¹⁶ Эвереттика – область духовной деятельности, направленной на осознание и описание Многомирия как фундаментальной характеристики Бытия. Получила свое название по фамилии американского физика Хью Эверетта III, в 1954–1957 гг. предложившего революционную трактовку квантовой механики, в соответствии с которой Многомирие (Мультиверс или Мультиверсум) является полноправной физической реальностью (определение П. Амнуэля).

Неуверенность сменилась страхом. Портфель с легким стуком опустился на паркет. Гость сорвал с головы шляпу, пригладил волосы.

– Значит, это все-таки ты, Рич.

Страх исчез. Черные, словно залитые маслом глаза взглянули внимательно и холодно. Яркие пухлые губы еле заметно улыбнулись.

– У тебя коньяк на столе. Кого-то ждал?

Бывший штабс-капитан нашел в себе силы усмехнуться в ответ.

– Было несколько вариантов, но чемпионом стал ты. У тебя есть хорошее качество, Деметриос, ты умеешь удивлять. Как это тебе удается?

Вновь смущенный взгляд. Ботинок с незавязанным шнурком скользнул по паркету.

– Ну, ты же меня знаешь, Рич!..

Крупный план Эль-Джадира Июль 1942 года

– Понимаешь, Рич, ни в одной из старых игр нет ходов по диагонали и взятия прыжком. Ну, это понятно, такой способ был уделом хищника. Прыжок, удар, добыча... Он встречается почти во всех средневековых «звериных» играх...

Я с опаской покосился на лежащую передо мной доску. Шахматы – не шахматы, нарды – не нарды. По желтому дереву – четкий контур креста. В верхней части палочки, обычные спички с отломанными головками. Четыре... шесть... Десять.

– А скандинавы придерживались мнения, что на доске все воины равны, поэтому никто не может убить другого в схватке один на один. Что еще за прыжки? Какое там «перешагнуть»? Ты сперва попробуй убей, а потом перешагивай! Двое на одного – это да, это понятно. А юлить и прыгать – пусть, вон, лиса юлит и прыгает.

В «Старой цитадели» этим вечером былолюдно. Большой заезд, ни одного свободного столика. У оркестра перерыв, можно говорить, не повышая голоса, поэтому арию Деметриоса слышно даже за соседними столиками. Никто, однако, даже не оборачивается. Привыкли!

– Некоторые пытаются свести шашечную манеру боя к воинской морали. Мол, шашка рубит «через голову» и, как солдат, перешагивает через поверженного врага. Но это же несерьезно, Рич!..

Я поглядел на доску и вновь пересчитал спички. Ровно десять – одинаковые, голые. Рука нащупала рюмку.

– Выпьем за то, что несерьезно, Деметриос! За политику, войну и женщин. За серьезное пить опасно.

Рюмку он взял левой рукой, не глядя, поднес ко рту, глотнул, моргнул недоуменно.

– Если это Фин-Шампань, то можешь дополнить свой список несерьезных вещей. Между прочим, немцы наложили секвестр на всю собственность «Курвуазье». Говорят, мол, старые запасы. Какие старые запасы в Африке? Но ты не отвлекайся. Так вот, игра называется «рёфскак» – «Лисьи шахматы». Она похожа на хнефатафл, но ещё более несимметричная...

Я покосился на желтый квадрат доски и в который уже раз не без изумления понял, что вся эта заумь Деметриосу и в самом деле нравится. Поначалу думалось, что хитрый грек-левантонец с вечно испуганными глазами просто нашел себе удачную маску. Фирма «Jeu Antique», главная контора в Лозанне, филиал в Касабланке. Шашки всех времен и народов, шахматы, нарды, таинственные «игры круга и креста» – и бестолковый надоедливый коммивояжер с тяжелым желтым портфелем. Шляпа прижата к груди, на лице – виноватая улыбка, заискивающий робкий взгляд. Нелегкая работа – продавать доску для хнефатафла или испанской «мельницы» голодным и злым эмигрантам!

А потом я сообразил, что Деметриосу это действительно по душе. Если у него, конечно, есть душа.

– В общем так... «Лиса» здесь одна, гвардия телохранителей отсутствует, а «гусей» огромное количество. Все они, как видишь, толпятся на одном краю доски...

Ноготь с аккуратным маникюром указал на обезглавленные спички.

– Считается, что эта игра появилась при попытке упростить хнефатафл. Но мне ближе другая версия. Представь, какой-нибудь ретивый викинг, гений хнефатафла, на пиру побился об заклад, что сможет одолеть любого соперника с полным набором фишек одним лишь «королём»! Конечно, речь шла о двух фигурках – «короля» и «воина»...

– Остынь, – посоветовал я. – Когда-нибудь тебя наверняка пристрелят, Деметриос. И не за твои подвиги, а именно за хнефатафл. Все уже поверили, что я собираюсь купить эту доску со спичками, так что можешь переходить к более скучным вещам.

Яркие губы обиженно дрогнули.

– Не доска, Рич, а «рёфскак», я же тебе говорил. Между прочим, она не продается. Это модель, я ее сам делал... В Касабланке аресты, Рич. Накрыли два транспорта со спиртным, шерстят арабов, по всем их лавочкам обыски. Аптеки пока не трогают, но, говорят, будет проверка всех документов, станут искать наркотики...

Встречаться в «Старой цитадели» я не любил. Шумно и опасно – огромный ресторан, казино, бар со шлюхами, спекулянты, торговцы гашишем и прочей здешней дрянью. Само собой, каждый третий – полицейский осведомитель. Тех, что в форме, тоже хватает, и за соседним столиком, и за тем, что у окна. Отдыхают служивые... Как ни крути, «Старая цитадель» – единственное приличное заведение во всем городе. В неприличные же, особенно те, что в порту или возле базара, лучше вообще не соваться. Да, место людное и слишком на виду, но с Деметриосом приходится общаться именно здесь. В «Старой цитадели» он завсегдатай, каждый свой приезд из Касабланки непременно отмечает в баре. Само собой, не забывая предлагать посетителям – контрабандистам и проституткам – свои раскрашенные деревянные доски.

Почти никто не принимает чернявого грека всерьез. Есть у человека талант!

– Но это не главное, Рич, о проверке ты и без меня узнаешь. Они накрыли «ковчег». Двенадцать человек, прямо при посадке. Говорят, взяли какого-то известного коммуниста, его искали по всему Марокко...

– Не так громко, – посоветовал я, отхлебнув из рюмки. – И не забывай тыкать пальцами в свои спички. Итак, второй «ковчег» подряд. До чего же доверчивый народ!

Деметриос качнул темными кудрями.

– Они не доверчивые, Рич, они... Им объяснили, что риска никакого нет, с полицией все договорено.

– И они, конечно же, хорошо заплатили. Деметриос, Деметриос, поистине грех продавать ближнего своего! Ты так не считаешь?

В ответ – быстрый испуганный взгляд.

– Я здесь совершенно ни при чем, Рич! Я просто... Просто рассказал тебе, по дружбе. Там, в Касабланке, есть человек, он это все организует. У многих эмигрантов нет другого выхода, сейчас идет замена пропусков...

Кажется, я его напугал. Значит, левантиец все-таки «при чем». Неудивительно, «ковчег» – это очень хороший доход. Едва ли чернявый упустил свой шанс и не подставил ладони. «Деньги» и «Деметриос» недаром пишутся с одной и той же буквы.

Из Марокко уезжали редко. У большинства попавших сюда не по своей воле просто не было средств. В Касабланке, а особенно здесь, в Эль-Джадире, жизнь все-таки не столь дорога, как в Испании и Португалии. Перебраться же за океан, в богоспасаемую Америку, могли лишь единицы. Но все-таки уехать пытались, особенно после того, как власти Виши всерьез взялись за наведение порядка. Порядок же был все тот же – «Новый», воспетый моим другом Львом Гершининым. Немецкая миссия в Касабланке всерьез взялась за поиск тех, кто сумел ускользнуть от гестапо. Французские власти тоже составляли свои списки, подчищая неблагонадежных. И, само собой, искали евреев, официально только среди эмигрантов, на практике же гребли всех подряд. Первых арестовывали, вторых отправляли «до выяснения» в Алжир. Оттуда еще никто не возвращался.

Выехать легально было практически невозможно, ни морем, ни по воздуху. Потому и появились «ковчег», транспорты беглецов. Люди отдавали последние деньги за право сесть в катер, который должен достаивать их к стоящему за пределами территориальных вод «нейтралу». А дальше как повезет, куда повернет корабль – в Испанию, Португалию, Южную Аме-

рику. Мало кто задумывался, что станет делать в чужой стране, без денег и надежных документов. Смерть дышала в затылок.

И вот уже второй «ковчег» подряд стал ловушкой. В прошлый раз арестовали семерых, теперь – дюжину...

Отдохнувший оркестр врезал что-то веселое из контрабандного Глена Миллера. Прислушавшись, я не без удовольствия узнал «Chattanooga Choo Choo». Деметриос со вздохом принялся вынимать спички из доски.

– Между прочим, ты зря, – не без обиды заметил он. – «Лисьи шахматы» – игра очень интересная. И, кстати, поучительная. Помнишь сказку этих немцев, братьев Гримм? Лиса проголодалась и решила подкрепиться. Вышла, значит, на полянку, а там гуси. Она обрадовалась и говорит, что, мол, удачно попала, сейчас съем вас всех, одного за другим... Здесь, собственно...

– Давно тебя не видела, Рич! Не скучаешь без меня?

Платье в блестящей чешуе, запас неплохих духов пополам с потом, ухоженные руки в браслетах. На правой – змейка с зеленым глазком, на левой – золотая спираль в сверкающей крошке.

На лицо я смотреть не стал.

– Я тосковал без тебя, Марли. Вчера даже хотел застрелиться, но лень было сходить за патронами.

– Рич, ты совершенно безнадежен. – пальцы с кроваво-красными ногтями легли на мое плечо. – Но все равно я твоя навеки... Кстати, напоминаю, что мне нужны еще четыре эти штучки.

Наклонилась, коснулась щекой щеки. Сгинула.

– Эх! – безнадежно вздохнул грек, которого даже не удосужились заметить. Я подлил ему коньяку, улыбнулся.

– Не теряйся. С недавних пор наша звезда снизила расценки. Если захочешь, осчастливит прямо здесь, в тихом кабинете с проточной водой.

Деметриос, залпом опрокинув рюмку, поморщился.

– Рич, ты отвратительный циник. Тебе это еще не говорили?

– В последний раз – сегодня утром. А с Марли тебе все-таки лучше обождать, пока она закончит курс лечения. Осталось, как ты слышал, всего четыре укола. Я добрый циник, Деметриос, ампулы даю ей в долг. И это несмотря на то, что она каждую неделю пишет обо мне в комиссариат. Кстати, у нее хороший почерк.

– Марли тоже? – грек допил коньяк, взглянул горестно. – А такая красивая!

Он явно валял дурака, и я решил подыграть. Между «ковчегами» и тем, с чем этот пройдоха пришел, требовалась пауза.

– Деметриос, Деметриос! В нашем серо-черном мире все предают друг друга, но женщинам это сделать проще. Мужчины слишком высокого о себе мнения, поэтому часто не видят дальше собственного носа. Таких, излишне в себе уверенных, предают первыми. При чем заметить, не ради принципов и даже не ради, допустим, мести. Деньги и только деньги. Но и женщины чаще всего проигрывают. Деньги, увы, тоже могут не всё. Когда начинается минометный обстрел, это понимает даже самый безнадежный тупица.

Я открыл папиросную коробку и с удовольствием закурил, давая время собеседнику переварить только что услышанную мудрость. Оркестр по-прежнему играл Глена Миллера, плавно перейдя от «Чаттануги» к «Серенаде Солнечной долины». Фильм я смотрел слишком давно, чтобы помнить, но, кажется, героиней там была весьма наглая беженка из Норвегии. Тогда мне было совершенно все равно, а вот теперь сразу подумалось, чьими молитвами она сумела перебраться в разгар войны через океан. Такие молитвы обычным эмигрантам не по карману, если, конечно, не проплачиваются соответствующими службами.

– Ты сказал «серо-черный мир», Рич, – негромко проговорил Деметриос. – А каково жить в цветном?

Он тоже закурил, причем какую-то невероятную гадость. У грека нюх на скверный табак.

– Тебе бы там не понравилось. Представь себе негра – президента Северо-Американских Штатов и еврея в Елисейском дворце. А главный вопрос, занимающий умы, это права мужеложцев. Здесь лучше, Деметриос, поэтому я не спешу с отъездом... Не томи, выкладывай, с чем пришел, и не ерзай по стулу.

Ответом был наивный, чуть виноватый взгляд.

– О чем ты, Рич? Просто хотелось повидаться. Поговорить... Наша фирма, кстати, начала выпускать настоящее чудо – игру из древнего Шумера. Ее нашли в могиле тамошней царицы, вначале даже не поняли, что это. Я над ней три года работал. Очень трудно было понять, зачем нужна дополнительная клетка. Но я понял, Рич, понял! Мы сделали подарочный вариант, очень красивый...

– Заверни, – перебил я. – Можно даже два. Подарю соседу и одной бестолковой девице, чтобы от дурных мыслей отвлечь. Итак?

Он привстал, быстро осмотрелся, затушил папиросу.

– «Ковчеги» предал один человек, его называют Ночной Меркурий. Все, кто хочет уехать из Касабланки, попадают к нему. Некоторых он и в самом деле переправляет, а некоторых сдает. Это как в лотерею, кому повезет. А тех, кто пытается найти другой путь, его агенты сразу выдают полиции. Рич! Нескольким людям надо обязательно уехать, они заплатят хорошие деньги. Помоги!

– Ночной Меркурий, – повторил я. – Почти наверняка у этого мерзавца контакты не только с французской полицией, но и с немцами. Ты хочешь, чтобы я очень здорово рискнул, Деметриос?

Разогревшийся оркестр врезал «Kalamazoo».

Часть вторая

Общий план Эль-Джадира *Январь 1945 года*

Касабланка сдалась войскам генерала Паттона 10 ноября 1942 года. На следующий день части 2-й бронетанковой дивизии вошли в Эль-Джадиру. Ричард Грай вместе с другими смотрел на неторопливо ползущие по мокрым улицам боевые машины. Дождь шел уже третий день, тротуары ошетинились зонтиками, веселые американские парни бесцеремонно разглядывали первую в их жизни завоеванную страну. Местные жители встречали чужаков спокойно, без страха, но и без всякой радости. Веселились эмигранты – шумно, истошно, порой до откровенной истерики. На мостовой лежал сорванный портрет маршала Петена. По городу их уже снимали, но чаще не выбрасывали, а прятали подальше. Все еще могло перемениться...

Бывший штабс-капитан воспринял происходящее без особых эмоций. История шла единственно верной дорогой, статисты в светлых касках прибыли вовремя, минута в минуту. Освободителями они не казались, да и не были. Что бы ни написали в новостных сводках и толстых научных трудах, правда проста и скучна. Одна страна вновь напала на другую, коварно, без объявления войны. Франции Виши сочувствовать не хотелось, но Ричард Грай слишком хорошо помнил, сколько раз защитники заокеанской демократии еще будут высаживаться на чужих берегах. Эти, по крайней мере, борются с нацизмом, однако от Эль-Джадиры до Берлина слишком далеко.

Поначалу в городе мало что изменилось – если не считать снятых портретов. Местные чиновники честно выжидали, пока оформится власть. Лишь в январе следующего, 1943, года в Эль-Джадиру прибыли представители Французского Национального комитета. Вместе с ними появились вездесущие англичане, сразу же направившие своих контролеров в порт. Из города никого не выпускали, а вскоре начались аресты. Здесь не было безумной вакханалии всеобщей мести, которой еще предстояло начаться в освобожденной Франции. Марокко никто не освобождал, немцев здесь не было, и даже наиболее усердные сторонники Виши вовсе не считали себя виноватыми. Самых заметных, конечно, сместили и задержали, но с остальными разбирались осторожно. Времена были зыбкими. В близкой Касабланке генерал Жиро приказал бросить за решетку тех, кто перед высадкой американцев пытался поднять восстание против «законной власти». Поэтому представители Национального комитета занимались лишь делами слишком очевидными. Из Французского Марокко депортировали и выдали немцам несколько сот человек, главным образом из числа беженцев. История была у всех на слуху, поэтому виновных требовалось предъявить в наикратчайший срок. Тогда заговорили и о «ковчегах». Шум подняли прежде всего коммунисты – в числе преданных беглецов оказались весьма заметные фигуры из их руководства.

Ричард Грай дважды давал показания следователю, но ничем толком помочь не смог. Ночной Меркурий не оставил свидетелей. Следователь обратил внимание на любопытную деталь. Беженцы, уже преданные и обреченные, отзывались о проводнике как о необыкновенно чутком и добром человеке, которому сразу хотелось верить. Среди тех, кого он выдал, были не только коммунисты, но и прочие «левые», а также несколько активных сторонников лондонского комитета. Следователь даже предположил, что Меркурий специально формировал обреченные группы, не включая туда обычных беженцев. Вероятно, предатель работал не на спецслужбы Виши и даже не на Гестапо, а на немецкую военную разведку.

В марте 1943 года турецкий гражданин Ричард Грай был награжден Медалью Сопrotивления – бронзовым кругляшом со все тем же Лотарингским крестом.

– Да, Деметриос, я тебя знаю, – согласился бывший штабс-капитан.

Первую рюмку он даже не почувствовал, словно воды хлебнул. Поморщился, налил по новой... Гость, успевший лишь пригубить, молчал. Сесть не рискнул, только облокотился о спинку кресла.

– Считай, за мое возвращение выпили. За что пьем вторую, Деметриос? За верную дружбу?

Рюмка в руках грека еле заметно дрогнула. Тот, кто вернулся, заметив, негромко хохотнул:

– Одобряешь? Пей, яду я не подмешивал. Знаешь, Деметриос, из всех, с кем я в городе имел дела, ты один остался. Выводы делать пока не буду, но за нашу дружбу выпью.

– Да, за дружбу! – скороговоркой повторил гость, глотая коньяк. Закашлялся, долго мотал головой, наконец, отдышавшись, посмотрел прямо в глаза:

– Только ты, Рич, ошибаешься. В Эль-Джадире у тебя еще остались друзья. Одному из них уже доложили, что ты здесь.

Ричард Грай не стал переспрашивать. Деметриос заспешил, поставил рюмку на стол, повернулся к двери, где скучал оставленный портфель.

– Я... Я, собственно, чего пришел, Рич. Можно было и до утра подождать, но я решил, что это тебе понадобится...

Подтащив портфель, взгромоздил его в пустое кресло, моргнул темными глазами.

– Доставать?

Дождавшись нового кивка, долго копался в кармане, наконец, выудив маленький стальной ключ, наклонился к замку. Легкий, еле слышный щелчок. Из недр портфеля появился другой, много меньше. Дорогая черная кожа, застежки узорной меди.

– Я... Я не открывал! – теперь в голосе грека плавал страх. – Рич, честное слово! Я...

Бывший штабс-капитан покачал головой:

– Деметриос, Деметриос! Какая тебе разница, поверю я или нет? Странно лишь, что ты не бросил все это в море.

Гость помотал курчавой головой, словно отгоняя невидимую муху.

– Нет, Рич. Все были уверены, что ты погиб, в газете статью напечатали, в «Старой цитадели» повесили твой портрет. Но я знал: ты вернешься, что бы с тобой ни случилось. Даже если возвращаться придется на... на «Текоре».

Кажется, грек ждал, что его переспросят, но Ричард Грай промолчал. Деметриос, вновь заторопившись, полез в недра портфеля, достал тяжелую кожаную кобуру.

– Держи! Чистил каждую неделю. Держи!..

Отдав пистолет, облегченно вздохнул, смахнул со лба бисеринку пота.

– Мы в расчете, Рич, правда? Видишь, я все сохранил, принес сразу, как только узнал. Мне позвонили из порта. И... и не только мне. Но я решил прийти поскорее, подумал, что лучше тебя разбудить, чем... чем...

Ричард Грай понимал, что грек лжет. Бойтся, потеет от страха, но все равно продолжает врать. Ему не звонили из порта. Точнее, могли позвонить, но портфель, спрятанный не здесь, а в Касабланке, Деметриос привез заранее. Значит, действительно знал. Тот, чьею волею бывший штабс-капитан оказался на борту корабля-призрака, озаботился и этим. Отсюда и страх. Всезнающий любитель настольных игр, конечно же, докопался до того, что случилось в горах департамента Верхняя Савойя. Может, и в самом прямом смысле – нанял копачей, разорил могилу, пересчитал дыры от пуль на окровавленном френче. Сколько их все-таки было? Три или четыре?

Голос колокола слышали многие, но только чернявый грек понял, кто вернулся в слишком поздний час.

Спросить? О таком не стоит, все равно не скажет. Но можно о другом.

Бывший штабс-капитан, убрав портфель подальше, положил кобуру на пустое кресло, шагнул вперед. Деметриос попятился, слотнул. Ричард Грай улыбнулся.

– Хочешь убежать? Сейчас побежишь. Только давай уточним одну мелочь. Из порта позвонили в полицию. Кто там сейчас главный?

– Тот же, кто и раньше, – поспешно отозвался гость, перебираясь поближе к двери. – Даниэль Приудом, он теперь капитан. Я же говорил, в Эль-Джадире у тебя еще остались друзья. Сейчас твой друг Даниэль – главный герой Сопротивления, его сам де Голль наградил... Я пойду?

Пальцы с маникюром вцепились в дверную ручку. Ричард Грай покачал головой.

– Деметриос, Деметриос!.. Значит, ты тоже возвращался на «Текоре»?

Из темных глаз плеснул ужас. Негромко хлопнула дверь.

Бывший штабс-капитан налил себе новую рюмку, но пить не стал, поставил на край стола.

– Друзья, – проговорил он вслух, но не по-французски, а на родном. – Верные, верные друзья... Верный друг Деметриос, верный друг Даниэль...

Улыбнулся, вспоминая подзабытые строки.

*Порядок любит он и слог высокопарный;
Делец и семьянин, весьма он трезв умом...*

Крупный план Эль-Джадира Август 1942 года

*...Крахмальный воротник сковал его ярмом,
Его лощенные штиблеты лучезарны...*

Сделав паузу, я с удовольствием затянулся, стряхнув пепел в медную пепельницу. Даниэль Прюдом покосился на носки своих штиблет, дернул усиками. Сегодня он был не в привычной форме, а в мешковатом светлом костюме, что придавало «ажану» не слишком солидный вид. Не хватало лишь тросточки и шляпы-канотье.

*Что небеса ему? Что солнца блеск янтарный,
Шафранный, золотой? Что над лесным прюдом
Веселый щебет птиц? Ведь господин Прюдом
Обдумывает план серьезный и коварный:*

*Как в сети уловить для дочки женишка;
Есть тут один богач, уже не без брюшка,
Солидный человек, – не то что сброд отпетый...*

– Где ты прочитал эту гадость? – Даниэль, погладив себя по брюшку, отложил в сторону кальянный мундштук. – У вас, у русских, совершенно превратное представление о французской литературе. Да! Кстати, моей Мари всего десять, для женишка еще рано. Попробуй все-таки кальян, сегодня они угадали со смесью.

Послушавшись, я взял свободный мундштук, осторожно вдохнул, подождал немного. Забулькало...

– Нет, не мое, – констатировал я, вновь затягиваясь «Фортуной». – Даниэль, как можно ходить в такие притоны?

Слегка подкрашенные усики довольно шевельнулись.

– Можно. Если это правильные притоны.

Даниэль Прюдом, заместитель шефа полиции Эль-Джадиры, в «Старой цитадели» бывал регулярно, но исключительно по долгу службы. Отдыхать же предпочитал в арабских кофейнях возле рынка. Это заведение именовалось «Al Andalous», но ничего андалузского я пока не заметил. Кофе оказался и вправду неплохой, но все остальное не радовало. Тесно, темно – и очень неудобно. Особенно для меня, привыкшего к нормальным стульям.

Подозрительно булькающий кальян тоже не вдохновлял. Мало ли что туда могли намешать?

Смущали и тяжелые занавеси – слева и справа, отделявшие нас от прочих искателей андалузских радостей. Прюдом, уловив мой взгляд, легкомысленно махнул рукой, присовокупив, что здешняя публика не сильна в языке Вольтера. В подобную наивность я, естественно, не поверил, поэтому предпочитал не повышать голос. К счастью, музыканты пока еще отдыхали, равно как прочие танцовщицы и глотатели змей.

Местечко было, что ни говори, пряным. Оставалось понять, зачем заместитель начальника городской полиции затащил меня именно сюда. Может, среди кальянов и дрессированных змей мой новый друг-приятель чувствовал себя увереннее, чем в зеркальном аквариуме

«Старой цитадели»? Переговоры намечались серьезные, а в этом деле важна каждая мелочь. Например, доставшийся мне диван – жесткий и слишком короткий.

– Рич! Мы с тобой пришли сюда отдыхать! – Прюдом, словно прочитав мои мысли, весело подмигнул. – Вечер только начинается, считай, мы пока еще в гардеробе!.. Так чем там твой стишок заканчивается?

С его предшественником было проще. Обычный провинциальный взяточник, поставивший себе целью накопить средств на домик среди райских кущей Ривьеры. Мы жили с ним душа в душу к полному взаимному удовольствию. Увы, Ривьеры мой партнер так и не увидел. Два месяца в параличе – и скромный белый камень на здешнем католическом кладбище.

Любителя пряностей прислали прямиком из Парижа. До этого он успел прослужить несколько лет где-то в провинции, то ли в Лилле, то ли в Лионе.

– Ну, Рич! – Даниэль пододвинулся ближе, дернул усиками. – Ты же прямо мировая скорбь. Weltschmerz, как говорят боши. Давай я тебе чего-нибудь веселое расскажу. Или ты мне. Я, знаешь, по натуре человек въедливый. Пересмотрел твоё досье... И знаешь, что меня поразило?

Усики вновь дрогнули. Даниэль Прюдом ласково улыбнулся.

– Не то, что ты, бывший русский военный, продаешь лекарства. По нынешним временам это очень выгодное дело, даже более доходное, чем алкоголь. Но ты начал готовиться заранее, чуть ли не за десять лет. Присмотрел разорившуюся аптеку, договорился с нужными людьми, арендовал склады. А потом начал завозить лекарства. Ты потратил уйму денег, Рич! На что ты рассчитывал? Заранее знал, что начнется война? Именно такая? Но этого не мог знать никто! Да! А ты не только завез лекарства, ты оформил все возможные бумаги, и теперь к тебе никакая инспекция не подкопается. То есть, почти никакая... Говорят, ты недавно был в Лиссабоне?

Улыбка стала еще слаже. Мсье Прюдом заранее предвкушал эффект. Разговор явно был им продуман на дюжину ходов вперед. Сначала Лиссабон, потом то, что привез из Лиссабона... Придется брать дело в свои руки. Как будут говорить потомки, рвать шаблон.

Поднявшись с дивана, я пересел на подозрительно скрипнувшую скамеечку, предварительно сбросив с нее собственную шляпу. Достал папиросу, смял мундштук «гармошкой».

– Хорошо, давай о веселом. В ноябре здесь будут американцы. Это такая же реальность, как сегодняшний закат.

Кажется, он слегка поперхнулся. Маленькие светлые глаза скользнули по пустому в этот ранний час залу. Еле заметно дрогнули губы.

– Ты хотел сказать «англичане»?

Шаблон явно дал трещину. Мсье Прюдом пребывал в уверенности, что я стану договариваться с ним о проценте с продажи лекарств – отдельно здесь, отдельно в Касабланке. И даже успел намекнуть, что усопший чайтель Ривьеры был не слишком меркантилен.

– Американцы, – не без удовольствия повторил я, шелкая зажигалкой. – Это уже неотменимо, это факт. Остается сделать выводы из данного факта.

Его рука потянулась к мундштуку кальяна, замерла.

– Рич! Немцы вышли к Волге!..

– Именно, – улыбнулся я. – Папаша Адди бросил туда все, что мог, у Роммеля уже бензин кончается. В Марокко и Алжире у вас, французов, войска есть, чуть ли не семьдесят тысяч, но многие ли из них станут воевать за Петена? А для полной ясности, дабы ты не решил, будто я сбиваю твой процент с продаж...

Вернув зажигалку в карман, я достал карточку с Лотарингским крестом, положил на ладонь. Даниэль скользнул по ней взглядом, затем провел ладонью по вспотевшему лбу.

– Убери!.. Нельзя! Нельзя показывать такое.

Оставалось удивиться.

– Надеюсь, мы в правильном притоне? Кстати, мое звание – «капитан», оно утверждено лично генералом де Голлем. Намекать на служебный долг не стоит, твой адрес мне известен, адрес твоей любовницы тоже. Из города уехать не дадим... А теперь могу рассказать про Лиссабон. Тебя что именно интересует?

Мсье Прюдом, сглотнув, попытался привстать, но локоть скользнул по вытертому плечу. Беззвучно дернув губами, он повторил попытку, не без труда присел, наклонился вперед.

– Что это значит, Рич? Мы же пришли просто отдохнуть! Что за... Что за странные шутки?

И тут заиграла музыка – занудная, тоскливая, истинно восточная. Видит бог, я не доби-вался такого эффекта. От шаблона остались одни ключья, можно было брать веник и начинать уборку.

– Это значит, что ты уже завербован, Даниэль. Можем считать это шуткой, но выбор у тебя не слишком велик. Когда придут американцы, ты имеешь реальный шанс стать героем Освобождения, а заодно и новым здешним комиссаром. Все грехи, включая аресты евреев и депортации, мы свалим на вашего шефа и отдадим его под трибунал. Или будет все наоборот, и под трибунал пойдешь ты. Первый вариант предусматривает небольшой бонус: ты станешь получать такой же процент с продажи лекарств, как и твой предшественник. За разовые подвиги – отдельная оплата. Кстати, Даниэль, весьма щедрая, в некоторых делах мелочиться грех.

Прюдом вновь вытер со лба пот, помотал головой и внезапно улыбнулся.

– Последние твои слова, Рич, дают возможность смело забыть все прочее. Да! Считаю, я уже забыл.

Он опять покосился на карточку. Я, не слишком торопясь, спрятал картонный квадратик в карман.

– Не думай, что я против твоей торговли, Рич. У тебя не слишком высокие цены, беженцам ты отпускаешь в долг, некоторых детей вообще, как мне докладывали, снабжаешь бесплатно. Думаешь, почему тебе не слишком мешают? Люди всё видят, а начальство – тоже люди.

В проеме появился согбенный официант вполне восточного вида. На столик неслышно опустился поднос с чем-то дымящимся и остро пахнущим. Даниэль потянулся вперед, повел ноздрями:

– Да! Готовят в заведении отменно, и в этом ты, Рич, сейчас убедишься. Кстати, девушки здесь...

Любитель Востока мечтательно причмокнул. Не хотелось разочаровывать человека, но мы теперь вроде как не чужие.

– Насчет девушек я вполне осведомлен. Здешний хозяин каждую неделю приходит за лекарствами, а порой они забегают и сами. Масштабы и, так сказать, ассортимент, признаться, впечатляют.

Полюбовавшись выражением его лица, я кивнул.

– Именно... Когда я только начал заводить свое дело, то поговорил с врачами, которые прошли войну. Надо же было узнать, чем люди чаще болеют! Все посоветовали мне одно и то же. И знаешь, я не прогадал. Это куда выгоднее, чем лечить простуду... Да, ты спросил о Лиссабоне. Я тоже мог бы забыть этот вопрос, но все-таки отвечаю. Оттуда я привожу новое лекарство. Оно секретное, поэтому я не хочу предъявлять его на таможне. А зачем оно нужно, спроси у здешних врачей, они уже в курсе.

Даниэль, взглянув искоса, потянулся к одной из тарелок, но все-таки не утерпел.

– Об этом лекарстве знают не только врачи и не только здесь. Да! В Париже поднялся страшный шум, скоро прилетит специальная комиссия. К твоему счастью, они пока думают, что ввоз идет через Касабланку... Рич, если это лекарство, зачем его прятать? Или я что-то не понимаю?

Я выдержал его взгляд и решил поставить все точки над «і».

– Сейчас поймешь. Мое лекарство необходимо прежде всего в госпиталях. Каждые несколько ампул – это спасенный и вновь идущий в атаку солдат. Франция не воюет, зато воюет Германия. Я хочу, чтобы боши получили это лекарство как можно позже, лучше всего – уже после войны. Как видишь, Даниэль, фронт проходит не так далеко отсюда. И учти, из-за этой тайны несколько человек уже погибли. От нас с тобой зависит, чтобы список рос не слишком быстро.

Вместо ответа мсье Прюдом усмехнулся и, окинув взглядом поднос, торжественно вручил мне тарелку с чем-то особенно ароматным.

– Кюфта! Мясной фарш с пряностями. Ешь, пока не остыло. Да! Вы здесь странные люди, Рич, живете в такой стране, а питаетесь, словно тут какая-нибудь Нормандия. А я всю жизнь мечтал побывать на Востоке. Бонапарт был прав, Европа – крысиная нора. Только здесь, в этих песках, умеют разнообразить жизнь! Да-да-да!..

Мягкая ладонь вновь огладила брюшко. Я прикинул, как выглядел бы заместитель шефа полиции, если нарядить его в феску, рубашку-галабею с вышивкой и шальвары. Нет, не тот эффект! Мсье Даниэль Прюдом был истинным французом.

А еще штиблеты!

– «Есть тут один богач, уже не без брюшка», – не удержался я, но ответа не последовало. Прюдом вплотную занялся воплощением мечты в жизнь, по крайней мере, в ее гастрономической части.

*Солидный человек, – не то что сброд отпетый
Стихослагателей, чей заунывный вой
Прюдома более допек, чем геморрой...
И шлют вокруг лучи лощеные штиблеты.*

Даниэль, не отвлекаясь от трапезы, погрозил мне пальцем. Есть не хотелось. Я отставил тарелку в сторону, прикидывая, сейчас озадачить этого жизнелюба или подождать, пока подадут десерт. Из Касабланки уже приехало восемь человек, еще трое нашлись прямо здесь, в Эль-Джадире. Всем грозит арест и депортация, значит, надо спешить. Португальский транспорт подойдет к побережью послезавтра, катер у меня есть, а веселый сержант Анри Прево обещал обеспечить прикрытие. Можно обойтись и без господина Прюдома, но любителя восточной экзотики следовало надежно повязать, причем не словом, а делом. После переправы первого транспорта назад ему пути не будет. Конечно, он может не согласиться... Ничего, найдем аргументы!

– Кстати, Рич!

Даниэль на миг, оторвавшись от блюда, бросил быстрый взгляд в сторону зала, где на возвышении уже извивалась некая дива в полупрозрачном покрывале.

– Насчет здешних девушек ты не прав. Готов заключить пари, что какая-нибудь из них тебя обязательно зацепит – и прикует без всяких полицейских наручников. Только не говори, что все женщины – предатели. Это мудрость трусов.

Я покачал головой.

– Не надейся. Местные арабские красотки напоминают плохо прожаренную колбасу. Впрочем, если тебе не жалко денег, согласен на пари. Я спорю всегда на один франк. Какой срок?

– Месяц! – на лице Прюдома проступила довольная ухмылка. – Вот уж не знал, где доведется разбогатеть. Позовем свидетелей? А то еще откажешься, знаю я тебя.

– Свидетели обязательно будут, – решил я. – Послезавтра. Тебя устроит, если мы все это организуем на морском берегу?

Общий план Эль-Джадира *Январь 1945 года*

В коридоре вновь было тихо, пустая гостиница спала, однако ему вдруг почудилась, что ночь позади. Где-то далеко на востоке, за холодными зимними песками, уже проступило неясное белое пятно, предвестник рассвета. Можно было взглянуть на висевшие прямо напротив входной двери большие часы в деревянном коробе, но Ричард Грай предпочел просто поверить. Скоро утро, ночь ушла.

Да, ночь ушла, а вместе с нею исчез страх. Деметриос унес его с собой, оставив взамен портфель, когда-то врученный ему на хранение. Летом 1943-го, уезжая на Корсику, Ричард Грай еще не мог точно знать, где и как завершится его путешествие. Поэтому и оставил запас, резервный контейнер, на самый-самый крайний случай. Такой, к примеру, как нынешний.

Бывший штабс-капитан, невольно улыбнувшись, вновь вспомнил полные ужаса глаза грека. Деметриос всегда пытался узнать больше, чем нужно, но на этот раз откушенный кусок застрял у него в горле. Не проглотить и не выплюнуть.

Ричард Грай невольно посочувствовал давнему знакомому – и забыл о нем. Портфель черной кожи лег на стол. Замок открывался без всякого ключа, но владелец портфеля не стал спешить. Грек, несмотря на все клятвы, наверняка сунул свой любопытный нос в кожаное нутро, но присвоить ничего не решился, иначе бы не пришел сюда, даже не дождавшись рассвета. Значит, в портфеле все на месте. Ждало – и еще подождет.

Оружие!

Кобура пахла кожей и ружейной смазкой. Ее можно было тоже не открывать. Деметриос, любитель редких настольных игр, в огнестреле разбирался ничуть не хуже. Ричарду Граю довелось убедиться в этом лично, причем не один раз. Значит, пистолет в полном порядке. Едва ли грек настолько коварен, чтобы сточить боёк или сломать автоматический рукояточный предохранитель.

Тяжелый металл с еле различимым стуком лег на столешницу. Ричард Грай прикоснулся к холодной рукояти, немного подождав, взял пистолет в руку. Он никогда не любил оружие. Относился к «железу» спокойно, как к удобной обуви – вещи совершенно необходимой и полезной. Однако сейчас бывший штабс-капитан внезапно почувствовал, что наконец-то стал самим собой, комплектным, без всякого ущерба. Давно забытое ощущение уверенности в себе и в том, что он делает, оказалось настолько сильным, что Ричард Грай заставил себя разжать пальцы и положить оружие на самый край стола. Потом! Сначала надо привыкнуть.

Сам пистолет был ничем не памятен, разве что тем, как попал в руки. Незадолго до войны Жан Марселец ввязался в чрезвычайно сомнительную историю с местными арабами. Тем понадобилось оружие, причем не дюжина украшенных чеканкой «стволов» для подарков к празднику, а достаточно солидная партия, включая пулеметы. Ричард Грай сразу же посоветовал отказаться от сделки. В лучшем случае все это богатство будет перепродано вечно враждующим племенам Сахары, но куда вероятнее иное. Арабы тоже готовятся к войне, выжидая удобный момент для восстания против слишком возомнивших о себе «афрангов». Марселец, человек легкий, решил все же рискнуть. Оружия было много в Испании, где совсем недавно закончились бои. Вывезти и выгрузить оказалось просто, но на берегу, недалеко от бухты с невеселым названием, началось настоящее сражение. Одно из сахарских племен решило перехватить груз, заплатив не золотом, а кровью.

После того, как сделку все-таки удалось завершить, убитых торжественно похоронили на городских кладбищах – католическом и мусульманском соответственно. Марселец же, умуд-

рившийся получить две пули в предплечье, подарил другу Ричу испанскую «Астру-300». Пистолет не из самых престижных, зато простой в применении и относительно легкий. Ричард Грай пристрелял подарок и запер в сейф. В город он брал иное оружие, куда более смертоносное. Поэтому и оставил «Астру» на попечение Деметриоса, не слишком рассчитывая вновь взять ее в руки.

Теперь пригодилось...

Бывший штабс-капитан был весьма посредственным стрелком. В иной, далекой жизни он успешно «мазал» по мишеням, едва сумев отстрелять «офицерское» Упражнение № 3. Впрочем, в мире, где он жил, оружие не было предметом первой необходимости. Потом же, в серо-черном варианте Мультиверса, револьвер и пистолет стали такой же частью быта, как бритва и зубная щетка. Стрелял Родион Гравицкий, а позже и Ричард Грай, по-прежнему скверно, однако для того, чтобы попасть в человека с дюжины шагов, навыков вполне хватало. Поэтому он предпочитал оружие простое, не слишком тяжелое, удобное для «скрытого ношения». Приходилось в самую лютую жару надевать пиджак, что было, конечно, не слишком приятно, но постепенно стало привычкой.

Ладонь вновь легла на холодный металл. Прикосновение возбудило, заставив вновь ощутить привычное желание – действовать, идти вперед и добиваться своего. Нет, не оружием, не спрятанным под пиджаком «бельгийцем» Browning M1906 и не старым «наганом» в поясной кобуре. Стрелять Ричарду Граю приходилось не слишком часто, но холодный металл своим присутствием упрощал задачу, прокладывая прямой путь и заставляя отступать врагов. Бывший штабс-капитан усмехнулся, вспомнив, как когда-то, в давние-давние годы, сомневался, сможет ли выстрелить в человека. Не в бою, когда враги кажутся ожившими ростовыми мишенями, а чтобы лицом к лицу. Достать оружие, посмотреть прямо в глаза...

Тогда у него был «наган», самый обычный, офицерский, двойного действия. Он уже успел потратить дюжину патронов, но так ни в кого и не попал.

Крупный план Москва *Ноябрь 1917 года*

– Девушка! Девушка, вы куда?

Даже не обернулась. Проскользнув вдоль стены к самому выходу из подворотни, попыталась шагнуть дальше, во двор, на рассыпанный и затоптанный в мокрую грязь уголь. Пули, словно только и ждали – ударили разом, кучно, выбивая из стен мокрую крошку. Девушка попятилась, оступилась, с трудом устояла на ногах.

... Два двора, побольше и поменьше, между ними – пятиэтажный доходный дом. Подворотня – и мы в подворотне. Были и ворота, от них уцелела одна створка, вторую вырвали напроочь. Мы с девушкой по разные стороны – слева она, справа я. Между нами – пять шагов и небольшая лужица...

Я прижался лицом к холодному влажному кирпичу, осторожно выглянул. Двор... Два тела лежат совсем рядом, шинель с зимней шапкой и короткое пальто при черном кепи. Чуть дальше, прямо в луже, мокнет мосинская «трехлинейка». Эти уже довоевались. Дальше еще кто-то...

Голову я успел убрать вовремя, ровно за секунду до очередного свинцового залпа. Пристрелялись! Неудивительно, бой идет с самого утра.

Краем глаза я заметил, что моя соседка вновь подбирается к выходу, напрямик под пули. Выглядела она странно, даже нелепо – черное длинное пальто, бархатная шапочка, похожая на укороченный тюрбан, большая матерчатая сумка на боку, а ко всему – очки-велосипед в тонкой стальной оправе. Курсистка с картины Ярошенко, зачем-то решившая погулять под пулями.

– Да стойте же вы!

Не послушалась, выглянула наружу, сделала первый шаг. Только сейчас я заметил нашитый на сумке Красный крест, не слишком яркий, с десяти шагов не разглядишь. Для тех же, кто держит подворотню под прицелом, эта девушка в неудобном пальто – всего лишь очередная мишень без лица и души.

– Дура! Убьют же!..

Река Времен несла свои воды к очередной Эвереттовой развилке. Сейчас курсистку пристрелят. Или пристрелят меня, если я тоже выскочу и толкну ее в спину.

– Падай, падай, ну!..

Упали мы вместе – прямо на рассыпанный уголь. Пулям досталась лишь моя фуражка. Я слизнул кровь с губы, попытался двинуть левой рукой, застонал.

– Может быть вывих, – деловито констатировала она, приподнимаясь и поправляя очки. – Не двигайтесь, я после погляжу.

– Голову вниз! – прошипел я. – Мы тут как два тополя на Плющихе, выбирай любого!..

– Почему на Плю...

Я мысленно посочувствовал девице: очками в уголь – такое не каждому мазохисту по душе. Стрелки же, похоже, вошли во вкус. Почему еще не убили – загадка. То ли криворукие, то ли ждут, пока встанем, чтобы наверняка.

– Ползти сможете?

Треснувшие стеклышки очков блеснули гневом.

– Я не собираюсь никуда ползти! Зачем вы меня толкнули? Там, впереди, раненые, им требуется помощь...

Резкость слов смягчалась мягкой певучестью речи. Акцент не слишком сильный, но очень характерный, не спутаешь.

– Вы что, из Эривани? – не удержался я, лихорадочно пытаюсь разглядеть что-нибудь, похожее на укрытие. Спасительная подворотня сзади, всего в двух шагах, но встать нам не дадут, срежут сразу.

Очки-велосипед взглянули без всякой приязни.

– Из Тифлиса. Но я армянка, если вы это имеете в виду. А вы, значит, юнкер?

Юнкер?! Ах да, погоны с широкой белой полосой. И, само собой, шинель вкупе с улетевшей неведомо куда фуражкой.

– Форма не моя. Но я на их стороне. Если вы это имеете в виду.

Особо глазастая пуля вошла в землю под самым моим носом. Я невольно вжал голову в плечи. Наша светская беседа грозила оборваться в самое ближайшее время. Может, конечно, нам очень повезет...

Свист я расслышал слишком поздно. Впереди что-то ахнуло, плеснув черной вздыбленной землей, ударило в уши, в голову, в самое сердце. На миг мир исчез, уступая место клубящейся тьме. Затем тьма сменилась болью...

Голову я все-таки сумел приподнять. Впереди, где рвануло, клубился едкий серый дым. Дом, что стоял напротив, исчез, оставив лишь неясный темный силуэт.

Смерть ослепла...

– Бегите! – выдохнул я. – Назад, в подворотню. Быстрее, быстрее!..

Сам встать я не надеялся. Боль накатила волной, обессилела, прижав к мокрой земле, к острым черным уголькам.

– А вы не командуйте! Поднимите руку, нет, не эту, другую. Теперь хватайтесь за шею...

За спиной вновь была спасительная кирпичная твердь. Я сидел на асфальте, упираясь затылком в холодную влажную стену. Левая рука бессильно свесилась вниз, правая сжимала стеклянный пузырек, из которого несло ядерной химией.

Сумка с красным крестом стояла рядом. Ее хозяйка, став ближе к выходу, разглядывала на свет треснувшие окуляры.

– Еще вдохните, – распорядилась она, покосившись в мою сторону. – И вставайте, а то еще простуду подхватите.

Без очков девушка сразу же стала моложе и даже симпатичней. Уже не суровая курсистка, а просто живая, не убитая барышня в грязном пальто с оборванной верхней пуговицей. Густые черные волосы рассыпались по плечам, на щеке краснела царапина.

Кажется, нам действительно очень повезло.

– Спасибо, сестричка, – выдохнул я, пытаюсь приподняться. – Но черт же вас понес в этот двор! Вы прямо как машина «скорой помощи». Сама режет, сама давит, сама помощь подает.

Она поморщилась, спрятала бесполезные очки.

– Думаете, это остроумно? Между прочим, из-за вас я не смогла помочь другим... Пузырек не уроните!

Встать удалось с третьей попытки. Левая рука висела плетью, голова раскалывалась, но я все же сумел сделать нужную пару шагов. Девушка, забрав источающую резкий дух склянницу, снисходительно усмехнулась.

– Вояка из вас, как погляжу... А еще против трудового народа бороться пытаетесь!

Вначале я не понял – слишком болела голова, и лишь потом дошло. Она – «красная», я, стало быть, «белый». Этих слов здесь пока еще не знают, но по сути верно. Гражданская война... Она из московской Красной гвардии. А я...

...А я – пустое дело гневаться,

*Хотел и думал рассердиться,
Но что-то сердце нынче ленится
И чувству в такт не хочет биться...*

Девушка взглянула недоуменно. Я улыбнулся.

*С таким венцом, как на коршиневых
Войны германской фотоснимках,
С таким лицом, что тело лишнее,
Когда снимаются в обнимку.*

*А тут не тыл, тут только госпиталь,
Тот, полевой, где нету морфия,
А он – живой, ты слышишь, Господи?
Хоть ты его заждался, мертвого.*

*Да, он живой, ты слышишь, Господи?
Он выжил по недоразумению.
Знать, писарь – в Рай, а этот в госпиталь...
Идет германец в наступление.
Идет германец – не качается,
В медвежьем шлеме с песьей мордью.
А у меня – бинты кончаются!
И доктор пьян!
И нету морфия...*

– «В медвежьем шлеме с песьей мордью», – негромко повторила она. – Да, это хорошо. Вы, наверно, прибыли с фронта?

Самое время сказать герою, хвост распушить, но честность все-таки пересилила.

– Нет, не с фронта. Вы абсолютно правы, я – никакой не вояка. Попал... Приехал сюда совсем по иным делам, но любопытство одолело... Родион Гравицкий к вашим услугам!

Она кивнула, протянула руку.

– Люсик. Не удивляйтесь, это имя такое. Люсик Лисинова, если совсем точно, то Лисинян. Вежливость мы соблюли, а теперь мне надо спешить, там, во дворе, могут быть раненные. А вы, Родион, как очухаетесь, идите обратно, через маленький двор, и сдавайтесь в плен. Только не забудьте руки поднять, а то наши товарищи с утра очень злые.

Все стало на свои места. Я расстегнул кобуру, положил ладонь на холодную рукоять револьвера.

– Вы – Лисинова, секретарь Военно-Революционного комитета Замоскворечья. В большевистской партии с 1916 года. А еще – связная Центрального штаба Красной гвардии Москвы.

Ее губы дрогнули, но я поднял руку.

– Погодите! Сегодня 1 ноября 1917 года по Юлианскому календарю. Там, где стреляют, Остоженка. Номер дома, насколько я помню, 12. Правильно?

– Правильно! – резко бросила она. – А вы, Родион, видать, из бывших жандармов? Странно, по виду больше на гимназиста-недоучку похожи.

Да, внешность бывает обманчивой, как и возраст. Я для нее – противный юнец с револьвером на поясе. Она – горстка старого праха у Кремлевской стены и несколько строчек в Большой Советской энциклопедии. Река Времен, ударив о невидимую преграду, замедлила веч-

ное течение свое. Эта неприятная девушка в стальных очках уже должна была погибнуть – именно там, в большом грязном дворе на Остоженке, 12. Но преграда преодолима. Стоит мне отпустить связную Центрального штаба, все случится именно так, разве что с опозданием в несколько минут. Время обладает необыкновенной упругостью, оно упрямо и почти всегда возвращается в свое извечное русло. Предки, не изучавшие квантовую физику, говорили просто и точно: «От судьбы не уйдешь».

– От судьбы не уйдешь, – повторил я вслух, доставая «наган». – Люсик, я не стану в вас целиться, но, пожалуйста, стойте на месте.

Увидев оружие, девушка отступила на шаг, к самой кирпичной стене. Близорукие глаза словно потускнели, еле заметно шевельнулись губы:

– Убьете?

– Никого не хочу убивать! – озлился я. – Никого, даже распоследнюю сволочь! Я еще ни разу в жизни по человеку не стрелял. Вы что, не поняли? Вас сейчас убьют другие – там, во дворе. Причем не по классовой злобе, а просто за компанию. Когда бой идет уже несколько часов, никто не смотрит, есть у человека сумка с красным крестом или нет.

– Не хотите убивать? – внезапно улыбнулась она. – Тогда... «И доктор пьян! И нету морфия...» «Тогда я пойду».

– Едва ли, – я поднял револьвер. – Нехорошо угрожать девушке, которой только что читал стихи, но вы не оставили мне выбора.

Я был не первый, кто пытался не пустить товарища Лисинову под пули. Насколько я помню, ее чуть ли не под локти удерживали. Но секретарь Замоскворецкого ВРК была упряма, словно само Время.

Сзади, со стороны маленького двора, куда мне предлагали идти сдаваться, послышались громкие голоса. Следовало торопиться, «товарищи» могли нагрянуть в любую секунду. Пока мне везло. Отсюда они уже атаковали, но, получив отпор, попытались обойти дом на Остоженке со стороны улицы. Поэтому в подворотне пока что тихо. Но идти все равно некуда, впереди – «дружеский огонь», позади – плен. Можно сорвать погоны и выбросить оружие, но вид у меня не слишком пролетарский. Стенок здесь много, и все – кирпичные.

Целиться в товарища Лисинову я все же не стал. Взял чуть выше, на ладонь от черных волос. Если что, осыплет кирпичной крошкой. Секунды текли из ниоткуда в никуда, мы стояли в двух шагах друг от друга, зажатый в руке «наган» потяжелел, словно налившись свинцом.

– Родион, это глупо, – наконец, заметила она. – Если вас заметят наши, то могут просто пристрелить на месте. И вообще, это очень странный способ спасти человеческую жизнь.

Спорить не приходилось, но иного варианта у меня не было. Впрочем, можно и попытаться.

– Люсик! Позавчера вы написали письмо матери. Тогда была ночь, шел снег, и вы об этом упомянули...

Близорукие глаза изумленно моргнули. Девушка подалась вперед, но я покачал головой.

– Не спешите, дослушайте сперва. Вы написали, что ночью может быть бой, но пообещали остаться в здании Совета или в лазарете. В «летучие отряды» решили не идти. Нет, вы написали иначе, «не поступать». Не удивляйтесь, у меня профессиональная память на тексты, поэтому и запомнил номер дома. А еще помню, что в вашу честь назовут несколько улиц, точнее, улицу и три переулков...

Теперь я специально сделал паузу, ожидая вопроса, но девушка молчала. В покинутом нами дворе вновь начали стрелять, там кричали, звали на помощь, но звуки боя, ставшие привычными за последние дни, внезапно сделались тише, затем и вовсе умолкли, и я словно воочию услышал мерный рокот обступивших нас вод великой Реки. Нет, ничего не изменилось. Даже если я сейчас не пушу Люсик под пули, течение захлестнет ее вечером, ночью, зав-

тра утром. Бои будут длиться еще несколько дней, и Время все равно возьмет свое. Поднялись воды до самой души, и не человеческому слову преодолеть их.

– А может, вы и правы, – вздохнул я, пряча оружие. – Лучше уж сейчас, чем в 1937-м где-нибудь в Кармурлаге. Извините, Люсик! Если хватит ума, то выполните обещание и не лезьте под пули. Несколько ближайших дней будут для вас очень опасны.

Она спокойно кивнула.

– Учту, Родион. Напугать вы меня не смогли, но, скажем так, очень удивили. Не знаю, что и думать. Для ангела-хранителя вы слишком молоды, а для посланца Смерти – слишком симпатичны. С точки зрения же материализма все это мистика и игра воображения. Ну, вы оставайтесь, а я, пожалуй, рискну. Я не самоубийца, но там, во дворе, двое раненых...

Воды Реки уносили ее, мерный торжествующий плеск стал походить на хохот, а я, бес- сильный и проигравший, стоял на покрытом грязью берегу. Иначе и быть не может, словом Историю не остановить.

– Нет, Люсик, вы никуда не пойдете!

Я выстрелил...

Она упала сразу. Пуля вошла чуть ниже колена, именно туда, куда я прицелился. Проманхнуться с двух метров мудрено. Оставалось подтащить раненую ближе к стене, положить ей под руку сумку с красным крестом и позвать на помощь.

Воды Реки с негромким плеском расступились, освобождая путь. Поток вздыбился, ударил в берега, сомкнулся за спиной.

Оборачиваться я не стал.

Общий план Эль-Джадира Январь 1945 года

Спрятав пистолет в кобуру, он взял рюмку, плеснул коньяку. Прополоскал рот, выпил, налил еще. Голова оставалась ясной, лишь в ушах зазвонили легкие хрустальные колокольцы. Следовало поспать, хотя бы пару часов, но Ричард Грай, когда-то бывший Родионом Гравицким, не спешил прощаться с уходящей ночью. Он все-таки прорвался. Воды Реки, обернувшиеся бескрайним черным океаном, оказались неожиданно милостивыми. Может, на чашку его весов легла пуля из старого «нагана», сдвинувшая-таки Историю с единственно верной дороги.

Год назад Люсик Лисинова была жива и здорова. «Известия» напечатали отрывок из ее воспоминаний об октябрьских боях в Москве. Слог был скучен, сюжет же строго следовал рамкам «Краткого курса». Эпизод на Остоженке тоже нашел свое законное место. Старая большевичка поведала читателям о том, как спасенный ею из-под огня юнкер сперва угрожал оружием, требуя отречения от великих идей Ленина-Сталина, а затем выстрелил в упор. Пулю извлекли, рану залечили, но с тех пор Люсик Артемьевна не расстается с тростью. Все было ожидаемо и правильно, если бы не одна фраза. «Я не сержусь на этого молодого человека, – писала бывший секретарь Замоскворецкого ВРК. – Мне кажется, в ту минуту ему было страшнее, чем мне».

Прочитав статью, Ричард Грай впервые за много лет пожалел, что под рукой нет компьютера с прямым выходом в Сеть. В ноябре 1917-го он, сам того не желая, поставил опыт *in anima vili* на живом теле Истории. Пуля из «нагана» образовала классическую «склею» – изменение, затронувшее этот мир, но способное повлиять и на остальные ответвления Мультиверса. В реальности, где он мог включить компьютер, Люсик погибла 1 ноября 1917 года. Этот факт никуда не денется, но еле различимые трещины все равно расколют неизменную твердь бытия. Кто-то упомянет в мемуарах, как навещал раненую в Первой Градской больнице, ее имя промелькнет в случайном документе середины 1930-х, в провинциальном архиве обнаружится тот самый номер «Известий». Дотошные комментаторы отметят ошибки и нелепости, сумеют их вполне правдоподобно объяснить. Но может случиться и так, что этот маленький камешек вызовет целую лавину. Трещины разойдутся вглубь и вширь, меняя привычное пространство, начнется «стягивание», коллапс...

Ричард Грай отогнал от себя чужие мысли из чужого мира. Его нынешняя Реальность конкретна и проста. Тихая гостиница, портфель на столе, полупустая рюмка, близкий зимний рассвет...

Он достал из портфеля два небольших свертка, каждый размером с ладонь. Развернул бумагу, пересчитал вприглядку. Франки отдельно, отдельно – американские доллары. Не слишком много, но на несколько месяцев должно хватить. Пройдоха Деметриос наверняка брал свертки в руку, прощупывал, может, даже тыкался носом. Но развернуть так и не решился. В серо-черном мире к деньгам, своим и чужим, относятся слишком серьезно, раскрашенные бумажки с мертвым президентами вполне заменяют столь редкие здесь высокие идеи. Спорить с этим трудно, да и незачем. Никакие идеи, никакие идеалы не позволят, скажем, купить танк. А без танка идеи не слишком убедительны.

Тонкая картонная папка, короткий карандашный росчерк: «№ 7. 1943 год, июль». Бывший штабс-капитан улыбнулся, развязал тесемки...

Есть! Вчетверо сложенный номер «Красной Звезды». Газета прошла через несколько рук, сверху, над заголовком, чернильная надпись. Английский ли, немецкий – не разберешь.

То, что он искал, было на третьей странице. Две фотографии, нужная – верхняя.

...Сельская улица, несколько усталых женщин, кто-то уже успел принести цветы. Село только что освободили, радость и слезы – впереди. А вот и танк с открытым люком, откуда выглядывает кто-то веселый в шлемофоне. Остальные сидят на броне, тот, который слева, машет рукой фотографу. И белая надпись на башне, буквы неровные, первые выше, остальные словно пригнулись.

«Касабланка».

Ричард Грай, личный представитель генерала Жиро, получил газету перед самым отъездом на Корсику и счел ее доброй приметой. Когда после короткого боя был взят Аяччо, он представил, что «Касабланка» стоит прямо у старого особняка, где родился будущий Император. Веселый танкист в шлемофоне выглядывает из люка, остальные разместились на броне...

Газета вновь исчезла в папке. Подумав немного, бывший штабс-капитан извлек из портфеля все остальное – такие же папки, но только заметно толще. На каждой – номер и дата, тесемки завязаны бантиком. Полный порядок! Уезжая, он безжалостно перешерстил накопившийся за несколько лет архив. Камин горел всю ночь. В папках – небольшой остаток.

Человек протер ладонью глаза, решив, что все прочее можно отложить на завтра. Разве что открыть еще одну папку, самую толстую, помеченную «№ 1». Но перед этим раздеться, пододвинуть ближе настольную лампу.

...Успокоиться, несколько раз глубоко вздохнуть.

В папке с номером «1» лежали гравюры, черно-белые, на плотном картоне. Поверх каждой – тонкая папиросная бумага. Рука ухватила первую попавшуюся, из самой середины. Легкий шелест... Рисунок...

Об этих гравюрах Ричард Грай вспомнил еще на палубе «Текоры», глядя на черное холодное море. Тогда о них думалось с легким отвращением. Он и так спит, не имея сил проснуться. Сон во сне – это уже чересчур. Но теперь картонные листы внезапно представились маленькими занавешенными окошками, ведущими в недоступный Мультиверс, бесконечную ветвящуюся Вселенную. Конечно, за тонкой папиросной бумагой нет ничего, кроме аккуратных черных линий. Но если посмотреть на них перед сном – внимательно, не отводя взгляд, стараясь дышать как можно тише...

...Руины башни на холме, высокие деревья у подножия. Чуть дальше река, лодки, небольшой мостик. За рекой густая стена леса, подступившая к самой воде.

Облака – легкие, еле различимые.

Песня? Значит, сон уже где-то рядом. Интересно, получится ли?

Крупный план Эль-Джадира Январь 1945 года Сон

Подбежать к дереву, подпрыгнуть, ухватиться за нижнюю ветку. Подтянуться.

Есть!

Теперь животом прямо на черную старую кору, приподняться на руках. Куда лицом? Замок налево, направо река... Налево!

Готово. Оседлал!

Достать папиросы... Стоп! Какие папиросы, я же не курю! Курит скучный пожилой дядька, который наконец-то догадался поглядеть на картинку. А когда тебе... Пятнадцать? Шестнадцать? Самое время вспомнить, что курить вредно. И зачем? Воздух и без того вкусный, никакой коньяк не нужен. В обычном сне на воздух внимание не обращаешь, не до того. Там всегда проблемы, а главное, сам себе не хозяин. Сплошное подсознание, никакого удовольствия.

То ли дело здесь. Здорово!

Вот она, башня! Темный старый камень, обломки зубцов на вершине, пустые темные окна. Похожа на... Ни на что не похожа, на все башни-руины сразу и не на одну конкретно. Придумали – и нарисовали.

Наблюдение номер раз: сработало, причем почти сразу. И даже коньяк не помешал, хотя в дальнейшем следует избегать. Это, стало быть, два. И три... Контроль полный, вполне себя осознаю, в общем, классический «сонный» файл, только не компьютерный jpg, а гравюра на картоне. О таких раньше приходилось только читать, потому как стоили дорого, а продавались лишь в одном интернет-магазине, причем без всякой гарантии доставки.

А что за холмом? Скорее всего, ничего, одна видимость. Пространство в таких файлах невелико, оно и не требуется. Побегать, на травке поваляться, в речку прыгнуть... Хороший сон – хороший день. Именно такой был когда-то слоган, его чуть ли не сам Джимми-Джон придумал...

Выше! Вот и веточка в самый раз. Подтянуться... На грудь, на живот...

Сели!

За холмом село. Или городок, дома во всяком случае кирпичные и чуть ли не в два этажа. Надеюсь, мой дядька не забудет и завтра посмотреть на гравюру, тогда можно и прогуляться, местную архитектуру изучить. Если это просто видимость, задник на сцене, то что-то станет обязательно мешать. Забавные они, «сонные» файлы, простые до невозможности. Поэтому, наверно, и не пошли, так сказать, в народ. Вот «машина снов» размером с плазменный телевизор, это да, внушает. Японцы придумали, фирма вроде бы «Takara». Может, и сейчас выпускают, улучшенного качества, со стереозвуком и генератором запахов. А зачем? А для солидности. Как говорится, «визьмешь в руки, маешь вещь».

Подъем-переворот... Поглядели вперед, теперь назад посмотрим. Что там с рекой? Скучная она какая-то, серая, зато вода наверняка теплая – для удобства клиента. На одном сайте была статья про файлы Джимми-Джона, самые-самые первые. Чуть ли не самый популярный – «Сон рыболова». В нескольких вариантах: речка в Южной Германии, катер в Карибском море и еще чего-то индийское, в предгорьях Гималаев. Файлики эти тогда бесплатно раздавали, рекламы ради.

Мост... А ничего, солидный, каменный, вон, даже домик на нем пристроился. Если это не просто «задник», то кто-то над гравюрой крепко поработал. Вручную такое ваять – адский

труд. Или все проще. У кого-то в этом ретро-мире имеется компьютер со всеми причиндалами, что анахронично, зато очень полезно.

И черт понес моего дядьку в этот замшелый угол! Мне бы сейчас компьютер точно не помешал. Только, конечно, не во сне. Сесть – да основательно поработать, благо есть над чем. Одно дело, случайные «склейки», отзвуки происходившего неизвестно где, совсем другое – сознательные изменения в четко прописанном «ответвлении». Подобного материала еще ни у кого не было, практическая эвереттика таковой пока лишь именуется. Просыпайся, садись и работай!

Эге, как все тускло стало! Нельзя, нельзя думать о работе, когда спишь, «картинка» просто исчезнет, а там и проснуться можно. Только не дома, а невесть где, в городе, которого ни на одной карте не найдешь. Название арабское... Эль-Джадира? Нет никакой Эль-Джадиры! Как это у Набокова? «Александр Иванович, Александр Иванович! Но никакого Александра Ивановича не было».

Ладно, вниз. Положено отдыхать, этим и займемся. Прыгаем!

Ай!

Кстати, если бы не сон, ногу бы точно подвернул. Хоть и травка, и земляца мягкая...

– *Buon giorno, giovane signore!*¹⁷

Ага, аборигены. Кому тут положено сниться? Личности в таких файлах-снах простые, на пару фраз каждая.

Та-а-ак...

И вам здравствовать, девушка. Судя по виду и голосу, аборигенше и шестнадцати нет, недаром Набоков вспомнился. Как правильнее ответить? «Здравствуй, милая красотка! Из какого ты села?» А если на языке Данте?

– *Ciao, bella ragazza! Da quello che si sedette?*

– *Oh, giovanotto! Tu sei così divertente!..*

Итак, у нас тут Италия, причем, если судить по этой пастушке, весьма патриархальная. Деревянные туфли, чепец, вместо платья – домотканая роба с деревянными же пуговицами. Зато щечки румяные, глазки веселые... Кстати, а на мне что надето? Рубашка белая, испачканная, на груди нечто кружевное, тоже в грязи. Барство, однако... Штаны короткие, чулки... Чулки?! Это кто же так одевается? А обуви нет, так в чулках и стою. И она стоит, убежать не собирается. А с чего пастушке убежать-то? Встретила «*giovane signore*» пубертатного возраста, самое время пококотничать.

– *Oh, signore. Hai dimenticato. Ho bisogno di voi per mostrarvi ... Seguimi!*

А это уже полный «нихт ферштейн». Но то, что пальчиком розовым манит, вполне понятно. Интересно, куда? Прямо на местный сеновал? А если появятся папа-пастух под ручку с папой-сеньором? «Две собачки впереди, два лакея позади...»

– *Seguimi, signore! Seguimi!..*

Уже не улыбается, того и гляди, слезами зальется. Это потому что я, несознательный, программу нарушаю. Если зовут, следует идти. Ладно, где мои ботинки? Ага, здесь, под самым деревом, но не ботинки, а туфли, причем с пряжками и... И ни левой, ни правой, одинаковы.

– Ну, пошли! *Venire!..*

Вот! Сразу повеселела, за руку взяла. Значит, идти нам налево, где деревья. Ничего там, вроде, и нет – поле и склон до самой реки. Впрочем, туда я особо не глядел, все больше реку с мостом рассматривал.

А в целом примитивненько. В годы давние у меня куда как интереснее картинки получались. Такая, как эта – с башней и пастушками, пишется и рисуется за один вечер. А если посидеть дня три, то можно изваять целый «сонный» мир. Маленький, конечно, не мир – мирок,

¹⁷ Говорит по-итальянски (здесь и ниже). Оставлено без перевода ради сохранения *colore locale*.

зато не слишком предсказуемый. Эта «лолитка», скажем, могла бы стать вполне самостоятельной персоной, с целым набором реакций...

– Oh, giovanotto! Perché sei così triste? Che ne pensi?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.